

Своя

журнал
Никиты Михалкова

*Люблю вас, далёкие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.*

*Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою
Как бы посредине открыты.*

*И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.*

Борис Пастернак

Жертвы мысли безрассудной

190 лет назад на Сенатской площади была пресечена попытка государственного переворота

Герой против заговорщиков

Иван Дибич — спаситель империи

***Н**аше отличие от Запада в том и заключается, что Запад на первый план ставит всегда себя, свою личную свободу. Но нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою личную свободу — всякий зверь так поступает. И какую ценность может иметь жизнь и свобода, если homo homini lupus (человек человеку волк. — «Свой»).*

Николай Федоров (1829–1903)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Миссия Русского мира	Вспоминаем поэта-романтика
Георгия Маслова
3–7	Символ веры
Мирликийский батюшка
За что православные
чтут святителя Николая	31–33 Год литературы
Хармс, панк, рок-н-ролл
Даниил Ювачев и его вклад
в отечественную контркультуру
8–11	Философ о философе
Воскрешение для всех
«Московский Сократ» — Николай Федоров	34–37 Русский характер
Великое «безумие»
Визитная карточка наших асов —
воздушный таран
12–15	Плоды просвещения
От тевтонов до ньютонов
Как русела первая отечественная Академия	38–39 Стоп-кадр
Русый, честный, влюбленный
Судьба иконы
советского кинематографа 1950–х
16–19	Ретроспектива
Жертвы мысли безрассудной	40–43 На семи холмах
В музей — по проезднему
К юбилею столичного метрополитена
20	Точка зрения	44–47 Русское поле
Аттракцион с козами
Как воздушная гимнастка
в фермеры подалась
21–23	Служу России
Герой против заговорщиков	48 Трапезная
Снежная, нежная
24–27	Великие реалисты
Мороз и солнце
Зима, которую Европа потеряла	
28–30	Возвращение имени
Навстречу северной Авроры	

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

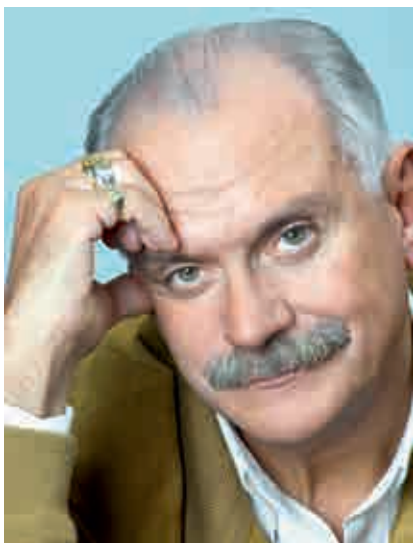
«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 16 ноября 2015 г.

Миссия Русского мира

Не покидает ощущение, что мы находимся на некоем переломном этапе нашего национального бытия. В прессе, в интернете, на общественных мероприятиях то и дело возникают яростные споры о Русском мире, его качествах, глобальной роли, предназначении... Каким может, а главное, должен быть этот мир? Что это — огромная Северная Азия, Азиопа, как снобистски именуют Россию адепты западного либерализма? Или все-таки Русская Евразия, то есть Европа плюс Азия, где имя Старого Света не случайно стоит на первом месте?

Мы можем спорить, прорубил ли Петр I окно в Европу или это самое окно для русских всегда было в той или иной мере распахнуто, можем указывать на страшные войны именно с западными государствами, перечислять различия во взглядах на социальный прогресс, права человека, искусство... Но все эти аргументы равным счетом ничего не доказывают.

Более того, у нас даже есть возможность «похвастаться» перед современными европейцами, с философской грустью изречь по тому или иному поводу: увы, это мы уже проходили. Например, чересчур прогрессивному немцу рассказать о том, что во времена, когда его прекрасные соотечественники следовали непреложному правилу «трех К» — *Kinder, Küche, Kirche*, в молодой Стране Советов всю отменяли гендерные различия и были близки к уничтожению обычной семьи (к счастью, не удалось). Какому-нибудь британскому или французскому эстету, восторгающемуся очередным «шедевром» современного искусства и пеняющему нам на эстетическую невосприимчивость, нелишне напомнить, откуда родом Малевич и Кандинский, Ротко и другие пионеры «совриска», авангарда, супрематизма... И добавить: а все-таки Рафаэль и Репин, Веласкес и Брюллов, а также их последователи русскому человеку не в пример ближе.

Даже на Западе быстро растет армия людей, искренне полагающих, что именно Россия остается единственной хранительницей подлинных — а не выдуманных, не извращенных — европейских (читай — общечеловеческих) ценностей. Возможно, в этой оценке на сегодня имеется некоторое допущение: ведь мы знаем, что Русский мир пока не совершенен.

Но в том-то, на мой взгляд, и состоит историческая миссия нашей страны: в сохранении самого ценного из того, что пришло к нам и с Запада, и с Востока. Прежде всего — христианства, традиционной христианской культуры.

Будем надеяться, что окончательно миновал тот сравнительно недолгий период, в который мы с жадностью неразумных неофитов перенимали у западной цивилизации много дурного, дешевого — того, что обычно называют «фуфлом». На вид как будто свежее, притягательное, а внутри — гнилое, для здорового организма непригодное.

Путь познания самих себя — как нации, великой общности — будет для нас, конечно же, нелегким. Но с Божьей помощью мы его пройдем.

A handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

Мирликийский батюшка

Одно из преданий о чудесах святого Николая Мирликийского связывает его с российской землей. Молва же о великом чудотворце разносилась по разным странам еще при жизни. После преставления возле его гробницы стали совершаться многочисленные исцеления. Молящиеся получали и другую важную помощь...

«Святой Николай Чудотворец».
Деревянная скульптура. Чердынь. XVIII век

Валерий Шамбаров

ГРУППА людей, живших в устье Танаиса (Дона), снарядила корабль, дабы совершить паломничество. Перед отплытием к ним обратилась незнакомая женщина. Сетовала, что поехать не может, но просила отвезти от нее к гробнице сосуд с благовонным миром. На корабль в пути обрушились бури, мешали идти к цели, отбрасывали назад. Наконец, паломники воззвали к святителю Николаю, и он сам явился к ним, подплыл в маленькой ладье. Объяснил, что под обликом женщины скрывался нечистый, а мешает им тот самый сосуд. Его выбросили в море, и буря утихла, дальнейшее путешествие было благополучным.

Единственное упоминание о местах, так или иначе связанных со св. Николаем и вошедших в нашу державу, конечно же, не могло обеспечить столь исключительную любовь, каковая выпала на его долю в России. К нему чаще всего обращаются наши христиане, очень многие называют детей его именем. Его иконы есть в доме любого верующего, а количество церквей, освященных в его честь, уступает только числу храмов Пресвятой Бо-

городицы. И на Западе Николай Чудотворец оказался самым популярным святым. Но там он превратился в фольклорного персонажа, Санта-Клауса. В ночь под Рождество привозит подарки детишкам, заслужившим поощрение. Красное одеяние архиепископа трансформировалось в маскарадный костюм — шубу и шапочку. Кресты исчезли, а поскольку действие происходит зимой, главными атрибутами служат сани да олени. И резиденция святого «переместилась» в Лапландию. Отметим справедливости ради, что эта традиция основана на довольно известном сюжете из жизни св. Николая.

Он родился в Патаре (в Малой Азии), в очень богатой семье. С детских лет был чрезвычайно набожным, проводил целые дни в церкви. По совету дяди-епископа его отдали для духовного служения. Николай был рукоположен в священники. Когда умерли роди-

тели, унаследовал солидное состояние и взялся помогать нуждающимся.

Один из местных богачей совсем разорился, голодал, и ему взбрела идея устроить дом терпимости, эксплуатировать трех собственных юных дочерей. Св. Николай узнал об этом и решил помешать страшному греху. Евангелие учит: нельзя творить добрые дела напоказ, надо избегать похвал и персональных благодарностей. Именно так он и поступил. Дважды по ночам тайком подкрадывался к их дому и подбрасывал в окно мешочки с золотом. Отец удивлялся, радовался, сумел выдать замуж двух дочерей, обеспечив им приданое. Но стал караулить, чтобы увидеть неведомого благодетеля. Согласно западной легенде, святой залез на крышу и бросил третий мешочек в дымоход. Тот упал в сушившийся носок младшей дочери. Отсюда и обычай вешать детские носки для подарков. Хотя мы видим, что духовная суть традиции оказалась выхоленной. Ведь святитель не просто дарил деньги, он спасал от гибели души девушек и их отца. Причем добился своего: человек раскаялся, обратился к Богу с благодарственными молитвами, просил прощения за грязные помыслы.

На Руси почитание св. Николая стало иным. В нем видели надежного и скорого заступника во всех бедах и напастях, покровителя путешествующих, несправедливо обиженных. Настолько уважали, что в народных сказаниях он предстает чуть ли не главным помощником Самого Бога. И вместе с тем считали чудотворца своим, доступным, близким простому человеку. Что ж, подобное отношение также основывается на фактах его жития.

Некогда он, оставив свой город, отправился в паломничество на Святую землю. По дороге творил великие чудеса. Прекратил страшный ураган на море. Оживил разбившегося при падении с мачты матроса. Посетив святые места, намеревался уйти в пустыню, стать отшельником. Но Господь указал, что у него иной подвиг, велел возвращаться на родину. Приехав в Малую Азию, он ушел было в монастырь, но и здесь получил повеление свыше — покинуть обитель. В Патаре им уже был заслужен немалый авторитет, его ждали почет и уважение. Однако св. Николай вознамерился уйти от суетной человеческой славы. Остановился в Мирах, главном городе провинции Ликия, где его никто не знал. Жил нищим, истово молился, каждый день первым приходил в храм.

Однажды ему было видение: Сам Иисус Христос благословляет его Евангелием, а Божия Мать осеняет своим омофором. И вскоре в Мирах скончался архиепископ. Для выборов преемника собрались епископы, но не могли договориться о подходящей кандидатуре. А одному из них явился ангел и указал: надо положиться на Бога — кто первым придет утром в храм, того и возвести на кафедру. Первым, как обычно,

пришел св. Николай. Он-то и стал архиепископом. Для себя же сделал вывод: до сих пор трудился ради личного спасения, а отныне должен служить всем людям.

Двери архиепископа были постоянно открыты. К нему шли люди со своими нуждами, жалобами. А св. Николай, невзирая на высокий сан, оставался простым в общении, очень скромно одевался, был неприхотлив в еде, постился, трапезничал только один раз в день. Каждому помогал — кому материально, кому молитвой, кому советом. О нем заговорили, как о Божием угоднике. Он исцелял больных, которых не могли вылечить лучшие врачи. Изгонял духов. Освобождал людей от вредных привычек. Закоренелые грешники после разговора с ним менялись, старались исправиться. Язычники обращались к истинной вере.

До нас дошли известия о чудесах, совершавшихся даже на расстоянии. Моряки корабля, терпевшего бедствие, никогда не видели святителя, только слышали о нем. В преддверии неминуемой катастрофы взмолились — и он не заставил себя ждать, сам возник на палубе. Твердой рукой взял кормило судна, выправил курс и утихомирил шторм. Когда в Ликии случились неурожай и голод, он явился во сне купцу, нагружившему свой корабль хлебом и размышлявшему, куда бы его продать. Святой повелел везти зерно в Миры и дал в задаток три золотые монеты. Проснувшийся негоциант обнаружил деньги в руке, был поражен и поспешил выполнить столь необычный заказ.

Было бы глубокой ошибкой представлять святителя Николая всего лишь щедрым благотворителем. Он по-настоящему, всей душой любил людей. Любовь же отнюдь не предполагает поощрения любых желаний. Когда требовалось, он мог быть строгим, волевым, решительным. Тем же спасенным морякам, приплывшим в Миры поблагодарить его, св. Николай указал: они виновны в грехе любодения, отдаляющем от Бога. Именно поэтому очутились на краю гибели. Если не хотят снова попасть в беду, то должны относиться к себе более требовательно.

При римском императоре Диоклетиане и его соправителе Максимиане на христиан обрушились страшные гонения. Тех, кто не отрекался от веры, приказали пытаться и казнить. В Мирах вместе со многими прихожанами схватили и архиепископа. В переполненной камере темницы он терпел голод, жажду, но вере не изменил. Держался твердо и укреплял духом заключенную вместе с ним паству. Готов был принять мученический венец. Господь рассудил иначе — Его угоднику довелось пережить своих гонителей и выйти на свободу.

Христианство восторжествовало, и снова св. Николай проявил себя весьма жестким, воинствующим борцом за веру. Он лично громил языческие капища, разрушил почитавшийся в Ликии храм Артемиды. Не щадя себя, готов был вступить за справедливость. Правитель города осудил на смерть трех невиновных граждан. Святитель, узнав об этом, немедленно примчался на место казни. Безбоязненно прошел сквозь собравшуюся толпу и вырвал из рук палача меч, уже

СИМВОЛ ВЕРЫ

занесенный над обреченными. В другой раз явился во сне императору Константину Великому. Велел освободить оклеветанных и осужденных на смерть воевод. Причем крепко пригрозил царю — в случае послушания послужил ему масштабное восстание.

А в 325 году император созвал I Вселенский Собор. На нем выработывались основные догматы христианской церкви, принимался Символ веры. Среди духовенства, приехавшего в Константинополь, был и архиепископ Мир Ликийских. На Соборе он стал одним из основных поборников православия. Еретика Ария, пытавшегося протащить свое учение и отрицавшего Божественную сущность Христа, св. Николай громил не только в речах, но даже отвесил ему увесистую оплеуху — прямо на заседании. Такое нарушение порядка многих возмутило, архиепископа даже хотели лишить сана. Однако за него опять вступился Господь. Участники Собора получили внушение: святитель действовал по Высшей воле...

Вот вам и ответы на вопрос, почему св. Николая так полюбили в нашей стране. Характер-то русский, понятный нашему человеку: жить и служить не для себя, а для людей. Если кто-то нуждается в помощи, то непременно выручить, и сделать это от всей души, не жалея и не оглядываясь. Отдать хоть силы, хоть деньги, хоть последнюю рубашку. За правду вставать горой, принципиально и без компромиссов. А врагу, задевшему самое святое, съездить по физиономии — это ведь тоже вполне по-нашему, по-русски.

Церковь Николая Чудотворца в Бари

Что касается веры, то она оставалась главным стержнем всей русской жизни, ее фундаментом. Ребенок впитывал православие с молоком матери. Рос, мужал и старился в русле православных понятий, в годичных кругах церковных служб. Оценивал действительность с позиции православных нравственных устоев. Своими трудами и податями укреплял государство — оплот православия. На войну с внешними противниками люди поднимались за веру, царя и Отечество. Да и национальность определялась верой.

Например, вплоть до XII века Ростов Великий разделялся на два конца — Чудской (мерянский) с языческим капищем и Русский с православной церковью. Два народа неплохо уживались между собой, в случае какой-либо угрозы вместе собирали ополчение, сражались плечом к плечу. Но если мерянин принимал крещение, то он уже признавался русским и должен был оставить прежнее место жительства, переселяться на другой

конец города. Причем аналогичные понятия сохранялись в Российской империи вплоть до XX столетия. До революции в паспортах вообще не было графы «национальность», только — «вероисповедание». Если человек православный, его считали русским, кем бы ни были его предки. А святитель Николай являлся поборником и защитником веры, был одним из тех, кто формировал православие у самых истоков, отстаивал его чистоту. По этому критерию он тоже был в полной мере своим, русским.

Кстати, если проанализировать перечисленные особенности, то можно прийти к выводу: в глазах наших предков св. Николай сильно походил на обычного приходского батюшку. Такой же скромный, простой, хорошо знакомый каждому, кто посещает его храм. Всегда доступен. К нему практически в любой час дня и ночи можно заглянуть со своими неурядицами. Внимательно выслушает, что-то посоветует, подскажет. Помолится вместе с тобой,

сугубо помянет на ближайшей службе — кого о здравии, кого об упокоении. Если нужно, постарается выправить семейные проблемы. Выступит ходатаем перед местными властями, а то и перед вышестоящими. Напишет прошение, сам поедет заступиться за несправедливо обиженных.

Но этот небесный батюшка, в отличие от земных, был идеальным. Таким, какими они должны быть — без малейшего порока или недостатка. К тому же располагал куда более широкими возможностями, оказывался почти всемогущим. Мог услышать и спасти при набеге врагов на мирное село, на поле битвы, в кошмаре пожара, в тонущей лодке, в морозной степи, в бескрайних лесах и горах, при смертоносной эпидемии, в голодную годину. А ведь подобные испытания русским людям приходилось терпеть очень часто. Отсюда и ясно, почему они настолько почитали святителя Николая, архиепископа далекого и не знакомого им ликийского города Миры.

Бари. Basilica di San Nicola, где хранятся мощи чудотворца

Философ о философе

Д. ПАСТЕРНАК. «Н.Ф. ФЕДОРОВ». 1919

Воскрешение для всех

Анастасия Гачева

«Пророку дано упреждать свое время», — так философ и богослов Сергей Булгаков выразился о самом загадочном российском мыслителе Николае Федорове (1829–1903). Нарек того «московским Сократом», разумея колоссальный мировоззренческий сдвиг, вызванный его идеями в духовном пространстве России конца XIX — первой трети XX века. Однако и сейчас, в начале нового тысячелетия, «Философия общего дела», два тома которой были изданы в 1906-м и 1913-м, а третий полностью увидел свет лишь недавно, не перестает волновать умы тех, кто стремится во всем дойти до самой сути, кому неинтересно «жить в свое брюхо», кто (как Федор Достоевский) помнит, что «человек — не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью».

«Рождением и жизнью Федорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре не повернется язык упрекнуть нас, что мы не бросили векам ни мысли плодovитой, ни гением начатого труда», — писал эстетик и критик Серебряного века Аким Вольтский.

Не ради красного словца это сказано. Знаменитый библиотекарь Румянцевского музея, собеседник Льва Толстого и Владимира Соловьева вбросил в духовную почву России семена поистине вселенской идеи. Идеи активной и проективной, сокрушающей стены отвлеченного умозрения, выходящей в практику жизни — и каждого конкретного «я», и раз-

нообразных человеческих множеств. Его «Философия общего дела» перебрасывала мост между действительностью и идеалом, миром, каков он есть — смертным, страдальческим, пребывающим во «взаимном стеснении и вытеснении», и тем, каким он должен быть, каковым предстает в христианском идеале Царствия Божия.

По Федорову, человечество не просто чаёт «воскресения мертвых и жизни будущего века». Оно призвано внести свою лепту в эту воскресительную победу. Человек — соратник Творца, соучастник «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения».

Наука, культура, техника, искусство, хозяйство должны объединиться ради преодоления смерти, возвращения жизни тем, кто нам «дал, или — вернее — отдал свою жизнь».

Мысль дерзновенная, но для Федорова в ней нет ни ереси человекобожия, ни гордыни. Исполнением этой задачи движут любовь сынов человеческих к земным отцам и Богу отцов, ответственность перед предками, Землей, которую еще в начале времен Создатель вверил людям на благое попечение и возделывание. Безумная эксплуатация ее ресурсов, лежащая в основании цивилизации потребления, ведет к тупику. Необходима сознательно-творческая регуляция природных процессов, открывающая путь к построению мира будущего, где человек становится добрым хозяином, а не циничным разбойником, желающим унести побольше чужого добра. Труд регуляции мыслится основой единства землян, уравнивающих перед лицом катаклизмов: землетрясений, наводнений, цунами, в мгновение ока уносящих тысячи жизней, эпидемических вспышек, вирусных мутаций, космических угроз, связанных с состоянием Солнца, астероидной и метеоритной опасностью. В перспективе человек сможет не просто предсказывать, но и предотвращать эти бедствия. Изучая стихии, сумеет их направлять, обуздывать.

Бремя управления миром дано человеку Творцом. Федоров обосновывает это не только для верующих. Обращаясь к людям светского мировоззрения, идейный горизонт которых не захватывает религиозной стороны бытия, он подчеркивает: регуляция — требование самой природы, мыслящей частью которой является человек. «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою»...

В XX веке Владимир Вернадский и французский геолог, палеонтолог, богослов Пьер Тейяр де Шарден выдвинули идею направленности

эволюции, восходящей ко все более сложным, организованным формам, развивающейся по линии совершенствования нервной ткани, роста психизма в живой материи, что и приводит к возникновению мыслящего, чувствующего существа (человека то бишь). И окажется, что творческая деятельность человечества на планете бытийно необходима. Наше предназначение — бороться с энтропией, приносить в бытие спасительные элементы стройности, порядка.

Крайнее проявление энтропийного начала мира, очевиднейшее доказательство его неупорядоченности — это смерть. Именно поэтому ее преодоление — эволюционная миссия человека. Равно как и нравственный долг по отношению к тем поколениям, которые дали нам жизнь, средства к существованию, совокупность идей и умений. Ими мы оперируем «здесь и сейчас», внося в копилку открытий, изобретений свою — когда большую, когда малую — лепту. Между тем, по Федорову, утопичны все попытки создать совершенное общество, пока человек смертен и, единственный из всех созданий природы, эту смертность осознает. Тщетны надежды на преодоление разделения и вражды в человечестве, если сохраняется этот глубинный источник зла и несчастья. «Для человеческого рода, коего жизнь состоит в взаимном истреблении, мир возможен лишь при всеобщем воскрешении. Пока человек не будет воскрешать, он будет убивать».

Еще в конце XIX века, когда по призыву России стала обсуждаться инициатива созыва конференции мира, Федоров, горячо откликнувшись на нее, выдвинул идею не разоружения, а «переоружения», использования мощных интеллектуальных и материальных ресурсов военной отрасли для решения созидательных, мирных задач. «Обращение орудий разрушения в ору-

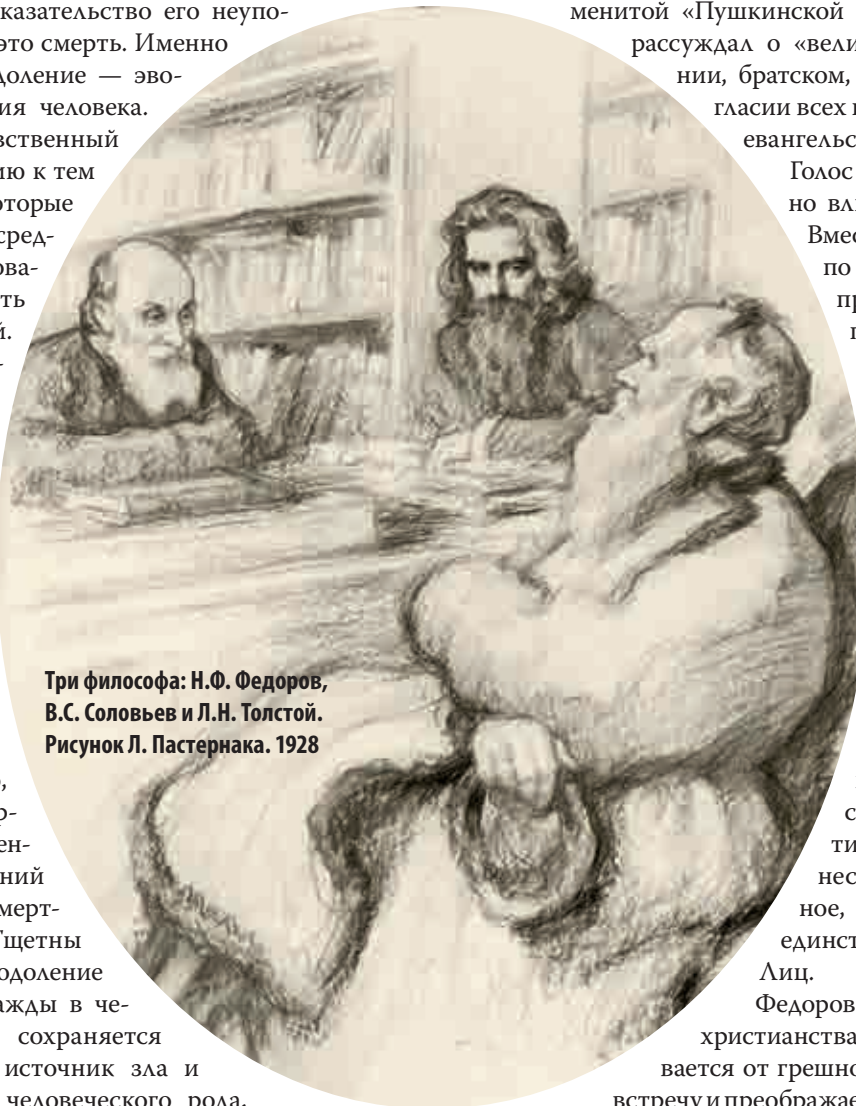
дия спасения», армии — в естествоиспытательскую силу, ориентированную на исследование природы и ее регуляцию, философ считал важнейшей вехой на пути планетарного человечества к вечному миру, к подлинному братству народов.

Об этом всечеловеческом братстве грезил выдающийся ум России из числа тех, кого называют представителями «русской идеи»: славянофилы Алексей Хомяков, Иван Аксаков, «русский европеец» Федор Тютчев... Достоевский в «Дневнике писателя» и знаменитой «Пушкинской речи» вдохновенно рассуждал о «великой, общей гармонии, братском, окончательном согласии всех племен по Христову евангельскому закону».

Голос Федорова органично вливается в этот хор. Вместе с собратьями по культуре и духу он призывает сойти с путей падшей истории, погруженной в нескончаемую борьбу классов, государств, идеологий, выстроить иной вектор жизни и действия, приступить к совокупной, творческой «работе спасения». А образом совершенного устройства социума (и не только социума — всего бытия) считает Троицу, неслиянно-нераздельное, спаянное любовью единство Божественных Лиц.

Федоров выдвигает идеал христианства: оно не отворачивается от грешного мира, а идет на встречу и преображает его, просветляет и одухотворяет все сферы, наполняет смыслом — не сиюминутным, но вечным — всякий момент существования, освящает труд каждого человека — врача и учителя, экономиста и политика, инженера и техника, писателя и художника... В утверждении такого образа веры, в собирании народов на общее дело видит главную задачу России, ее миссию во всемирной истории.

Читая Федорова, то и дело натыкаешься на россыпь идей и сюжетов, как будто сошедших со страниц нашей эпохи. Ставит их философ, как сказал бы Досто-

Три философа: Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой. Рисунок Л. Пастернака. 1928

евский, «на высшую ногу». В этом ряду видится и «обезоружение» радикального исламизма, и мирное сотрудничество России и Китая, народам которых свойственны сугубое почитание предков, молитвенная память о них. Цена национальные культуры, Николай Федорович выступает против воинствующего шовинизма, обособления народа от соседей, разделяющих с ним пространство земного шара, призывает землян не забывать: «человечество есть также отечество».

Это большое отечество, планету Земля, младший современник мыслителя Константин Циолковский назовет колыбелью рода людского. В середине 1870-х родоначальник космонавтики проходил свои университеты самообразования в библиотеке Румянцевского музея под руководством философа-библиотекаря. Именно тот заронил в душу юности зерна космической мечты. «Наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига», — писал Федоров, откликаясь на знаменитое вопрошание Николая Гоголя о России, о смысле ее бескрайних пространств.

Слова Николая Федорова оказались пророческими. Сначала они были подхвачены писателями, поэтами, художниками двадцатого века. К примеру, Валерий Брюсов, впечатленный грандиозностью замыслов философа общего дела, воскликнул: «Царям над жизнью, нам селить просторы иных миров, иных планет!» Затем «мысль, фантазия, сказка» перешли в сферу научного расчета. С призывным кличем «Вперед, на Марс!» один из пионеров ракетно-космической техники Фридрих Цандер каждое утро входил когда-то в знаменитый подвал дома на Садовой-Спасской, 19, где в 1931 году начала работать Группа изучения реактивного движения...

Памятник Н.Ф. Федорову в Боровске

Внимание к вселенскому отечеству соединялось у Федорова с постоянным обращением к отечеству малому. Он много писал о значении краеведения, по-пушкински полагая в «любви к отеческим гробам» основу самостояния человека

Путь в космос начинается тогда, когда ребенок поднимает взор к небу. Несколько позже к истории и географии, дающим образы времени и картины пространства, добавляется астрономия. Последнюю Федоров считал наукой наук, раскрывающей человеку мир и его творческое положение в оном — место деятеля и творца, а не ленивого захребетника. И как будто нам, жителям эры космоса, выбросившим, ничтоже сумняшеся, астрономию из учебного плана, адресованы его горькие слова о школе, о том, что, «закрыв от себя небо», она уподобляется каюте, куда добровольно запирают себя пассажиры во время океанического путешествия. А ведь можно выйти на палубу и почувствовать себя «пловцами, то прорезающими своим движением на земном корабле хвосты комет и

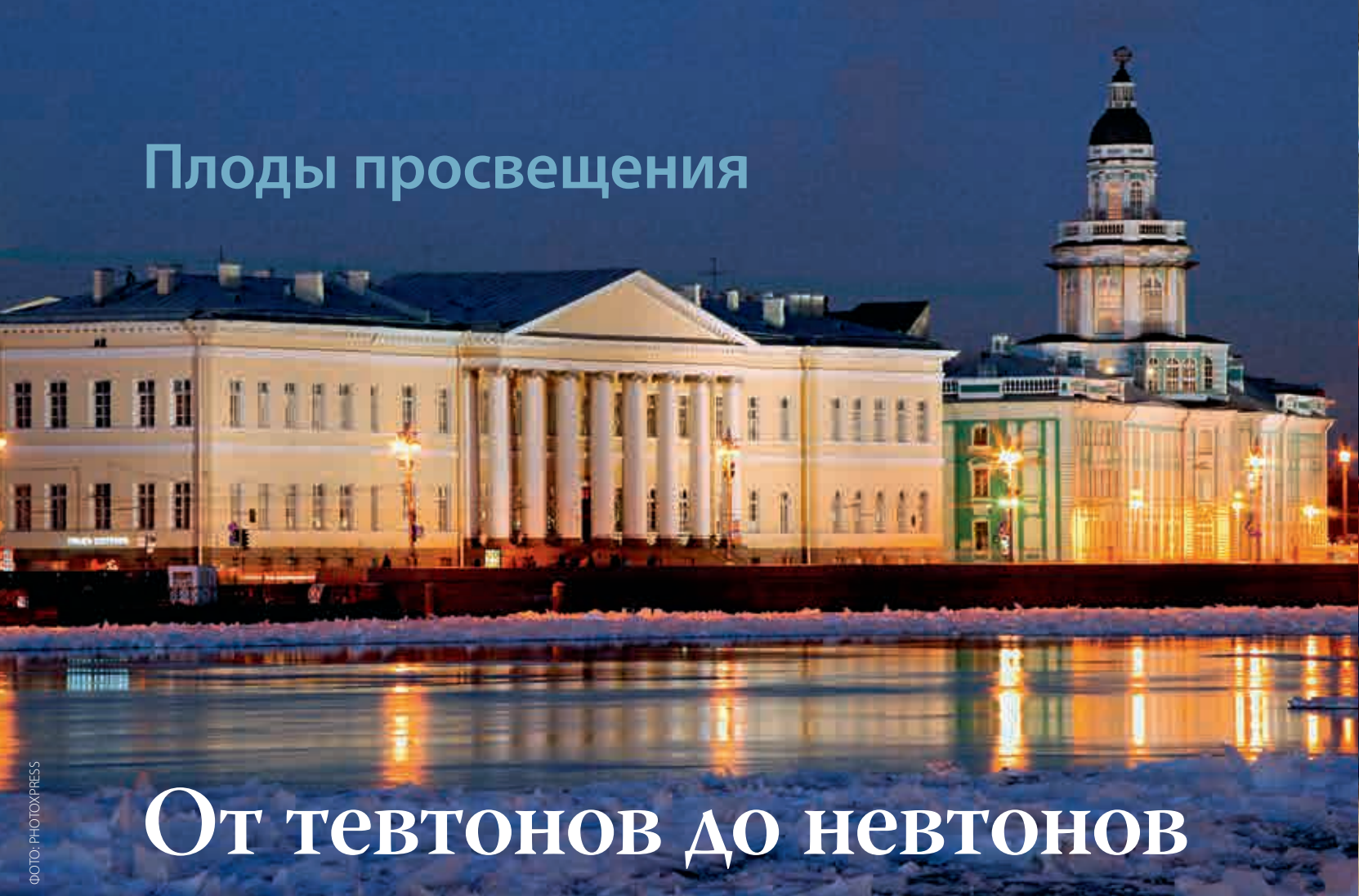
осыпаемыми целым ливнем падающих звезд, то плывущими чрез пустыни неба, где лишь изредка упадет несколько капель космической материи или пыли».

Внимание к вселенскому отечеству соединялось у Федорова с постоянным обращением к отечеству малому — к памяти родного края. Он много писал о значении краеведения, по-пушкински полагая в «любви к отеческим гробам» основу самостояния человека. Еще в бытность учителем истории и географии в Липецке, Богородске, Угличе, Боровске и других городах занимался с учениками местной историей, призывая их интересоваться и историей своих семей. Способность личности увидеть собственную судьбу сквозь родовую призму, «сознание каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т.е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства» находил непрременным условием преодоления небратства и розни.

В свой московский период он много писал о воскресительной сущности культуры, о библиотеках, музеях, архивах, которые суть не собрание мертвых вещей (экспонатов, книг, рукописей), а «собор лиц», эти вещи создавших или соприкасавшихся с ними когда-либо. В этих стенах ткется полотно общей памяти — основа единства живущих, будущего всечеловеческого родства.

Волю к «восстановлению родства» Федоров осуществлял и на деле. Был подвижником, почти монахом в миру, раздавал нуждающимся все свое жалованье. Неустанно трудился в библиотеке, поддерживая ученых, побуждая их к ответной, бескорыстной, идущей от сердца помощи главному московскому книгохранилищу — справками, консультациями, недостающими книгами. И всегда повторял: «Жить нужно не для себя и не для других, а со всеми и для всех».

Плоды просвещения

От тевтонов до невтонов

Андрей Самохин

По хрестоматийному выражению Пушкина (списавшего, как говорят, афоризм у венецианца Франческо Альгаротти), Петр I в Европу прорубил окно. В этот распахнутый иллюминатор «надуло» много чего — и хорошего, и разного. Занесло и передовую западную ученость, бастионом коей стала Петербургская академия. Сей «штаб наук» исправно поработал на укрепление российской державности. При этом саму Академию прогрессировавшие в быстроте разума отечественные Невтоны не раз пытались освободить от «немецкого ига».

МОРОЗНЫЙ ясный день 27 декабря 1725 года (ст. ст.). На Городском острове у Большой Невы, возле особняка бывшего вице-канцлера Петра Шафирова, посланного отсель двумя годами ранее за воровство, царит необычайное оживление. Множество саней, возков. Рослые форейторы высаживают важных вельмож в шубах. Пар от лошадей, сверкание орденов и камней, рубинов на эфесах шпаг. Треуголки, парики, оживленная речь на русском вперемежку с немецким. Моментами слышатся перлы ученой латыни... Немудрено, ведь сегодня здесь проходит первое публичное заседание Академии наук — в присутствии императрицы Екатерины I. Собралась вся знать новой имперской столицы вместе с господами академиками из-за границы.

«Полтавская баталия». Мозаика М. Ломоносова
в здании Академии наук

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ниях: математическом, физическом и гуманитарном. Ученым мужам предписывалось также читать просветительские лекции, заниматься изданием научных книг и журналов. Что они со рвением и начали исполнять. Тем более, что все материальные условия государством были для этого созданы.

Вот что писал, например, приехавший с семьей в русскую столицу в начале 1726 года немецкий историк Готлиб Байер: «Мне не пришлось заботиться о домашней утвари, столах, постелях, стульях... Моя кухня еще никогда не была так богато обеспечена...» Далее он признается, что не было такой книги, «даже из редких, по математике, медицине и физике», которую бы он «пожелал видеть и здесь не нашел». Недаром Христиан Вольф, немецкий ученый-энциклопедист, рекламировал Россию в то время юному, впоследствии — великому, математику Леонарду Эйлеру как «рай для ученых».

Немецкая речь преобладала на публичном заседании: из 13 академиков первого состава 9 были немецкими учеными. А всего в XVIII веке из 111 членов Академии 67 приехали из Германии. Остальные — из Голландии, Швейцарии, Англии, Франции, Дании и других стран. Первые русские ученые появились в АН лишь через десятилетия.

Петр Великий понимал: европейское окно требуется России для поступления свежих практических знаний, а последние — для строительства сильных армии и флота, общего технического «подтягивания» страны. Европа едва ли не с большим рвением ринулась в это окошко, быстро расширив его до приличного размера дверей. Интерес «экспатов» к империи Российской не исчерпывался личным материальным профитом. Манили просторы, мощный стартовый набор возможностей в стране, открывшейся для исследований и преобразований. Интересно, что

Вдова Петра Великого довела до практического воплощения мечту супруга, учредившего Академию в 1724-м и не дожившего до ее открытия менее года. Как формулировалось в петровском «Определении об Академии и Университете»: «Надлежит... такое здание учинить, через которое не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впрямь была».

В отличие от европейского «академ-стандарта» Петр I, сам когда-то избранный членом парижской АН, предполагал объединить под одной крышей высшее научно-исследовательское учреждение, университет и гимназию, ибо иначе «науки... не скоро в народе расплодятся», а при организации одного лишь университета — «и меньше того». Такой ход царь сделал не без

подсказки своего сподвижника — историка, географа, экономиста Василия Татищева, предлагавшего сперва развить низшее и среднее образование: государь, мол, «ищет учителей, а учить некого».

Академия с самого начала стала госучреждением — «на бюджете». Президенты назначались монархом и часто не были учеными. Академики, получая «довольное жалованье», должны были решать научно-технические задачи государства, «распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесл и художеств — сих источников богатства и силы государств».

Новые «познания» и «инвенты» (изобретения) следовало производить в трех академических отделе-

А. Кившенко. «Ломоносов показывает Екатерине II свои мозаичные работы». 1880

именно немцы проявили наибольшую любознательность в познании Московии и сделали немало для ее научной славы и экономического развития. Оставшись в России, многие из них обрусели, некоторые сделали твердыми православными патриотами-монархистами, «русскими паче русских».

В 1720-е в Россию приехали совсем еще молодые ученые: 20-летний Эйлер и историк Герхард Миллер; механику и математику Николаю Бернулли было 30, а натуралисту Иоганну Гмелину — и вовсе 18! Став позже светилами мирового уровня, они прочно связывали свой успех с нашей Академией, достигшей, в том числе и их трудами, славы одной из лучших в Европе. Прусскому королю Фридриху Великому Эйлер, чьи работы сильно двинули вперед механику, гидродинамику, баллистику, навигацию, признавался: «Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской академии». Даже те из иностранных ученых, кто позже покинул Петербург, оставались иностранными почетными членами АН, выполняли ее поручения, присылали ей труды для публикации. Тот же Эйлер

по личной просьбе уже Екатерины II через годы вернулся в российскую столицу. Других (к примеру, выдающегося французского астронома Жозефа-Никола Делиля, чья картографическая проекция России оставалась актуальной два века) русская наука, увы, потеряла. И все благодаря Иоганну Шумахеру — заведующему Кунсткамерой и библиотекой, прозванному «неученым членом академии и канцелярским деспотом».

Михайло Ломоносов, отдавший немало сил борьбе с этим «серым кардиналом», свидетельствовал: «Не можно без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернулли и других, во всей Европе славных, как только великим именем Петровым подвигались выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы».

Такие дела обстояли в середине XVIII столетия. К тому времени русские, поначалу смотревшие на заграничных спецов снизу вверх, уже начали примечать: среди них попадаются и серые людишки, и жулики-авантюристы. При этом

знаменитая борьба Ломоносова с «немецкой партией» касалась не столько национального вопроса, сколько отношения к порученному делу. Хотя и то, что именуется «иностранным засильем», в известной мере имело место.

Во второй половине XVIII — начале XIX века начался второй расцвет, отчасти связанный с особым покровительством Екатерины II. Она сугубо пекалась о «русификации». В те годы академиком стали анатом Алексей Протасов, математики Семен Котельников и Семен Гурьев, астроном Степан Румовский, натуралист Николай Озерцовский, минералог Василий Севергин и другие русские — в основном дети ремесленников, солдат, низшего духовенства.

Поистине с имперским размахом была организована Великая северная (начиная от Первой Камчатской Витуса Беринга), а также Академические экспедиции. В четко спланированных исследованиях разных отрядов вместе с великими иноземцами — Георгом Стеллером, Иоганном Гмелином, Петром Симоном Палласом — ценные данные для Отечества добывали русские

ученые Степан Крашенинников, Андрей Красильников, Иван Лепехин и другие.

«О вы, щастливые науки, прилежны простирайте руки и взор до самых дальних мест», — писал Ломоносов об этой героической поре русского естествознания.

Получив новое великолепное здание, построенное в 1789 году по проекту Джакомо Кваренги, Императорская академия была прозвана «Василеостровским Ватиканом». Кроме научного священнодействия, происходившего в ее стенах, очевидно, подразумевалась и некоторая как бы экстерриториальность — «иностранность».

Иноземцам, и особенно германцам, русская (и вся мировая) наука обязана многим: проливом Литке и островом Врангеля, гальвано-

телем механических мастерских (фактически первого КБ) Академии наук.

Но вот уже открытие русским академиком Василием Петровым явления электрической дуги, продемонстрированное им 17 мая 1802 года «в присутствии медицинской коллегии и многих знаменитых особ» и описанное в соответствующей брошюре, оказалось аккуратнo «затертым». Открытие вольтовой дуги приписали английскому физики Гемфри Дэви, повторившему опыт Петрова только спустя несколько лет.

Невиданный размах борьба «русской» и «немецкой» партий приобрела во второй половине позапрошлого столетия. Перед этим знаменитый Сергей Уваров, будучи министром народного просвеще-

поскольку к «немецкой» партии принадлежали и другие иностранцы по происхождению, и некоторые природные русские). Как и в иные времена, включая новейшие, академические сообщества имели свойство замыкаться в своей «самодостаточности», отрываясь от кровных нужд государства, опасаясь проникновения новаторов «чужаков». В этом «олимпийском» полузагнивании у ученой братии обычно находились влиятельные покровители.

И тем не менее во второй половине XIX века русская наука окрепла настолько, что вполне могла соперничать с «немецкой» на любой кафедре. Теперь за каждую вакансию разворачивалась битва. И далеко не всегда такая же шутейная, как в экспромте Аполлона Майкова, написанном под яростные споры друзей-академиков о немецко-русском противостоянии: «Академия кутит, в буйстве силы не жалеет; это ясно говорит, что она уже русеет».

Сильный резонанс в обществе приобрела борьба выдающегося химика Александра Бутлерова против ученой «мафии», не пропускавшей в академики Илью Мечникова, Ивана Сеченова, Николая Бекетова и... Дмитрия Менделеева. Последнего господина академики прокатили на выборах в разные годы дважды, что породило бурю протестов и вал петиций по всей России.

В статье с красноречивым названием «Русская или только Императорская академия наук в Санкт-Петербурге?». Бутлеров говорит об этом как о «величайшем оскорблении русскому народу», задается вопросом: «Не господствуют ли в Академии и теперь те начала, на которые так горько жаловался в свое время Ломоносов?..»

Впрочем, русская наука всегда прорывалась к мировым высотам как благодаря, так и вопреки. Все-таки частичка духа беспокойной Петровской эпохи, дыхание ветра первых северных экспедиций присутствовали в ней всегда.

Г. Миллер

Л. Эйлер

пластикой Якоби и «электромагнитным» правилом Ленца, эмбриологией Вольфа и Бэра, нормами русского правописания Грота... Список этот велик.

Однако же и русский природный гений со сметкой начали постепенно брать свое. Поначалу «немецкая партия» в Академии относилась к этому спокойно. Особенно, если речь шла о таких самородках, как Иван Кулибин, который благодаря покровительству Екатерины II и горячему участию в его судьбе Леонарда Эйлера стал «главным механикусом Отечества» — руководи-

ния, а также президентом Академии, провел в ней нужную реформу, чтобы «сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвергнув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, дать ей самостоятельность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствии с потребностями народа и государства». Как выразил эти цели Дмитрий Менделеев, «чтобы высшие учебные учреждения в России стали переходить из немецких рук в руки русских».

«Немцы» изрядно упирались (ключевое слово стоит в кавычках,

Жертвы мысли безрассудной

Валерий Бурт

История полна броских и далеко не всегда адекватных реальности стереотипов: красивые парадные портреты, благородные лица, по-бунтарски неистовый или по-гусарски игривый блеск в очах... 190 лет назад они подняли мятеж. Главные действующие лица в итоге пошли на эшафот, персонажи второго плана отправились в Сибирь, на каторгу или получили наказания помягче. Мы с советских времен привыкли поклоняться этим людям. О том же, что скрывалось за их декларациями, лозунгами и действиями, прежде не задумывались.

ДЕКАБРИСТЫ — их образы окутаны романтической дымкой. Мечтатели, освободители поработанных, спасители обездоленных, люди чести, пострадавшие за правое дело, самоотверженные борцы, прочно ассоциированные с пушкинскими строками: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья»... А стоило ли во все это верить?

Отбросим пристрастия. На какое-то время забудем душещипательно-лирический фильм с той самой «звездой» в заглавии. Поразмислим: а стало бы благом, если бы тогда, в декабре 1825 года, «революционеры» праздновали победу?.. Или нет, для начала все-таки прикинем: а могли ли они победить?

Многие авторитеты прежних эпох не без уверенности отвечали: могли, почему бы и нет. Но далее в рассуждениях следовал ряд непременных условий-допущений. Главное, пожалуй, такое: «если бы декабристы были более организованны, решительны». То есть не мешкали бы на Сенатской, а смяли бы шеренгу правительственных войск, захватили бы Зимний, Петропавловскую крепость. Заключили под стражу сановников, генералов, царскую семью... Впрочем, относительно последней у них были иные, более радикальные, прямо-таки зловещие намерения.

Мысли о цареубийстве их буквально обуревали. Так, князь Федор Шаховской был готов собственноручно лишить жизни самодержца российского. Другой декабрист, Николай Оржицкий, тоже жаждал расправы, но уже не с одним властителем, а со всем царствующим домом. Причем всех — императора и великих князей — хотел вздернуть на одной виселице. Детей как будто во всеулышание не поминал, ну а в мыслях?..

Великое множество народа разных сословий стояло на Сенатской и вокруг нее в тот морозный день. Симпатии толпы были на стороне бунтовщиков. Люди шумели, свистели. Камни и поленья бросали не только в царскую свиту, но и в самого монарха.

Если бы декабристы кинули призывный клич, то толпа, скорее всего, рванула бы им на выручку. Но те лишь дышали лихорадочно, нервно вышагивали и судорожно оглядывались — не скачет ли князь Сергей Трубецкой? Напрасно — назначенный диктатором, он им так и

не стал. Не решился, струсил? Бог весть. Однако от суда, как и его товарищи, не ушел.

Арестовали Трубецкого вечером, когда все было кончено. Отвезли в Зимний дворец. Николай I вышел к нему и в негодовании, указывая на лоб декабриста, прокричал: «Что было в этой голове, когда вы, с вашим именем, с вашей фамилией, вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой! Как вам

**Когда декабристам
пришлось держать ответ,
с них спала дерзость.
Лица бледнели,
с запекшихся губ слетали
мольбы о пощаде.
Трубецкой на первом же
допросе рухнул на колени**

не стыдно быть вместе с такою дрянью! Ваша участь будет ужасная!»

Словно эхо царских слов, чуть позже прозвучало осуждение со стороны поэта Василия Жуковского: «Какая сволочь! Вот имена этого сброда. Чего хотела эта шайка разбойников? Главные и умнейшие

Якубович и Оболенский, все прочее мелкая дрянь. Бестужевы 4, Одуевский, Панов, два Кюхельбекера, Граве, Глебов, Горский, Рылеев...»

В сумерках всем известного из истории декабрьского вечера растаяли иллюзии людей, замахнувшихся на самодержавную власть. При этом не ударивших по ней, как было задумано первоначально, со всего маху. Отчего? Только ли из-за нехватки сил у восставших? Да, этих самых сил было значительно меньше, чем у царя. Но ведь знали декабристы, на какую крайность шли. Похоже, недоставало им не только солдат, ружей, пушек, но и решимости, смекалки, храбрости.

При полном параде появился на площади в разгар событий Михаил Милорадович, военный генерал-губернатор, ученик Александра Суворова, герой Отечественной войны 1812 года. В многочисленных битвах граф счастливо избегал увечий, но на Сенатской Евгений Оболенский ударил его штыком, а Петр Каховский выстрелил в него в упор. Последняя рана оказалась смертельной. Какова причина этого убийства? Слепая ярость? Нелепо...

Колесание декабристов в тот явно не задавшийся для них день с каждым часом становилось все

П. Бунин. «Декабристы»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

П. Игнатьев. «Декабристы»

более очевидным. К царю посреди мятежа вдруг явился с повинной Александр Якубович: «Государь, я был увлечен несчастною минутою. Теперь узнаю свой долг и пришел покориться...» Ответ Николая был краток: «Если так, то возвратись к бунтовщикам и убеди их своим примером».

Якубович ушел, но вскоре вернулся с известием, что уговоры не имели успеха. Государь хотел послать его снова, но тот ответил, что пойдет, однако назад не явится, ибо, несомненно, будет убит. Товарищам этот на удивление непоседливый парламентар сдаться почему-то не посоветовал. Напротив, просил держаться решительно. Вскоре его одолела мигрень, и он исчез с Сенатской площади. Но потом снова объявился, раздражаемый противоречивыми чувствами и страхом. Хотя воякой доселе слыл отчаянным, даже ордена Святого Владимира был удостоен.

Декабристы тем временем все чего-то ждали, переминались с

ноги на ногу. Царь Николай, гордый, суровый и на тот момент особенно яростный, решил ускорить развязку. Артиллеристы выкатили пушки, дали залпы по неприятельскому каре: первый — холостой, после — картечью. Сначала выпалили выше голов мятежных солдат, по простоям на крышах здания Сената и соседних домов. Восставшие ответили нестройным ружейным огнем. Новый, на сей раз убийственный залп расстроил их ряды. Немедленно последовал еще один, повергший в бегство.

К ночи с восстанием было покончено.

«По прекращении артиллерийского огня император Николай Павлович повелел обер-полицмейстеру генералу Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру, — писал историк Николай Шильдер на основании документов Третьего отделения. — К сожалению, исполнители распорядились самым бесчеловечным образом. В ночь на Неве от Исаакиевского моста

до Академии художеств и далее к стороне от Васильевского острова сделано было множество прорубей, в которые опустили не только трупы, но, как утверждали, и многих раненых, лишенных возможности спастись от ожидавшей их участи».

Царь проявил известную жестокость, подавляя мятеж. Но как иначе он мог ответить тем, кто посягнул на государственные устои? Восставшие грозили свергнуть Россию в хаос, залить кровью.

Когда декабристам пришлось держать ответ, с них спала дерзость. Лица бледнели, с запекшихся губ слетали мольбы о пощаде. Трубецкой на первом же допросе рухнул на колени. Лицо Каховского залилось слезами безысходности и покорности. Оболенский объяснял свой поступок наивно до неприличия — он-де не желал герою Отечества зла, но споткнулся, пытаясь «отстранить ружьем» лошадь Милорадовича. Павел Пестель, руководитель Южного общества, говорил на следствии без остановки, выдавая всех, кого мог вспомнить.

Да, вот еще что: Пестель оказался единственным, кому, кроме политических обвинений, предъявили уголовные. Выяснилось, что полковник был нечист на руку, «имел обыкновение удерживать у себя как солдатские, так и офицерские деньги».

Куда катится яблоко от яблони, известно. В «Былом и думах» Александр Герцен рассказывал об отце вожака «южных» инсургентов: «Генерал-губернатор Западной Сибири Иван Борисович Пестель завел открытый, систематический грабеж во всем крае, отрезанном его лазутчиками от России. Ни одно письмо не переходило границы нераспечатанным. И горе человеку, который осмелился бы написать что-нибудь о пестелевских способах управления».

Многие декабристы на допросах гнали, изворачивались — картина, прямо скажем, неприглядная.

Не добились мятежники своего.

А если бы достигли успеха, то как бы им распорядились? На сей счет можно лишь предполагать. Да, помыслы их были во многом как будто чисты — отмена крепостничества, гражданские свободы et cetera. Но это общие цели. Что же касается частных, то они выглядят по здравом размышлении куда важнее и показательнее.

В «Русской правде», программном документе декабристов, Пестель писал, что столицей России должен стать Нижний Новгород, переименованный во Владимир. «Нынешний же город Владимир может быть назван Клязминим, стоя на реке Клязме». Зачем? Такой вопрос возникает перманентно.

Высшая законодательная власть, по замыслу автора, должна принадлежать однопалатному Народному вече, где призваны заседать полтысячи человек. А власть исполнительную Пестель отдавал Государственной думе, в которой насчитывалось бы всего пять душ.

Далее он мыслит вполне по-большевистски. Нет, еще более радикально. Все проживающие в стране этносы должны быть слиты в один русский народ. Цыгане обязаны либо принять православие, либо выселиться за пределы империи. «Буйные» кавказские племена надлежит переселить «в глубь России»,

предварительно раздробив на малые части.

Если «Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христианам». А можно увидеть в этой программе и такое: иноверцев — два миллиона — надлежит собрать в колонны, с вещами и отправить под конвоем для учреждения «отдельного Государства, в какой-либо части Малой Азии». Что-то до боли знакомое, не так ли?

«Русская правда» Пестеля — вещь многостраничная, написанная сухим, тяжелым, далеким от жизненных реалий языком. Тем не менее, нелишне привести еще одну цитату: «Узнавать, как располагают свои поступки частные люди: образуются ли тайные и вредные общества, готовятся ли бунты, делаются ли вооружения частными людьми противозаконным образом во вред обществу, распространяются ли соблазн и учение, противные законам и вере, появляются ли новые расколы и, наконец, происходят ли запрещенные собрания и всякого рода разврат».

О чем речь? О тайной полиции, названной «высшим благочинием». А как же свободы? Верно, забыл о них господин полковник.

«Какова его цель? — пытался понять издатель и беллетрист Нико-

лай Греч. — Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Он хотел произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховной властью в замышляемой сумасбродами республике. Достигнув верховной власти, Пестель сделался бы жесточайшим деспотом».

Один из известных дипломатов того времени утверждал, что, разгромив восстание декабристов, Николай I спас не только Россию, но и Европу: «Революция здесь была бы ужасна. Вопрос не в замене одного Императора другим, но переворот всего социального строя, от которого вся Европа покрылась бы развалинами».

Новый царь был вовсе не чужд своемыслия, либерализма. Однако восстание на Сенатской площади, вероятно, перевернуло его сознание. Ему пришлось вспомнить злодейски задушенного бунтовщиками отца, представить, в какую бездну могла ввергнуться держава. Император замкнулся в себе, душа его стала намного черствее. Опасаясь новых вспышек насилия, Николай I создал Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. Отныне все неблагонадежные, смутьяны оказывались под бдительным надзором.

Ну а декабристы... Судья им Бог. И — в какой-то мере — русский поэт Федор Тютчев:

*«Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном*

беспристрастье

*Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови*

скудной,

*Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов».*

Кадр из фильма

«Звезда пленительного счастья»

Иосиф ЛИНДЕР,

глава Международной контртеррористической тренинговой ассоциации, доктор юридических наук, эксперт и автор книг по истории спецслужб России

Восстание декабристов пришлось на то время, когда против нашей державы очень активно интриговали и британцы, и французы, и турки, и целый ряд немецких курфюрстов, и австрийская корона.

События, произошедшие на Сенатской площади, а также в местах дислокации «южан», явили собой лишь видимую часть айсберга — то, что разведчики называют «активными мероприятиями». До того практически вся верхушка Северного и Южного обществ интенсивно контактировала с руководителями польских антироссийских организаций. Те, в свою очередь, получали всемерную поддержку от влиятельных европейских структур. В Вене, Дрездене, под Штутгартом, в других городах и местечках Старого Света польские инсургенты, а также их

русские «соратники» проходили инструктажи, организованные правительствами западных государств.

Несостоявшийся диктатор, князь Сергей Трубецкой, когда почувствовал, что запахло жареным, что заговор обречен на неминуемое фиаско, прятался у свояка, австрийского посланника. И в доме последнего, и там, где постоянно жил сам Трубецкой, в предшествующий период проходили всевозможные тайные встречи, в том числе с представителями английской миссии. Что обсуждалось? Вопрос, надо полагать, риторический.

Об этих контактах Александру I в свое время регулярно докладывали — и знаменитый Александр Бенкендорф, и другие компетентные лица. К сожалению, на эти доклады и донесения император должным образом не реагировал. Будучи сам однажды замешанным в заговоре против государя, он, судя по всему, не чувствовал за собой морального права жестко пресекать подобные вещи (у него много лет стоял перед глазами образ злодейски убитого отца, по-видимому, парализуя волю, способность решительно действовать против «таких же, как он сам, вольтерьянцев»).

Что касается англичан, французов, австрийцев и прочих заклятых друзей, то все они вполне закономерно преследовали цель ослабить Российскую империю, способствовать появлению на ее троне — вслед за Александром I — человека легко управляемого, более удобного для Запада, нежели, допустим, Николай Павлович.

Не менее тесными были связи заговорщиков с западными «братьями» и по масонской линии. Масонство тогда было чрезвычайно модным. Однако надо понимать, что в моменты непосредственных

боевых спецопераций влияние этого фактора минимально. Он активно используется на начальном этапе подготовки восстания — при стратегическом планировании, в период рекрутирования новых членов тайных обществ с их последующей политико-пропагандистской обработкой, задействования системы опознавания «свой — чужой», развития особо доверительных отношений.

Российские «вольные каменщики» тесно контактировали и с английскими, и с итальянскими, и с австрийскими ложами. В том же, что касалось самого заговора и его кульминации, гораздо более важную роль играли спецслужбы дворов, опытные, хорошо обученные военные профессионалы, мастера «искусства плаща и кинжала». То есть не те, кто умел красиво говорить, а люди, не боявшиеся крови, способные принимать быстрые решения, да к тому же имевшие солидное дипломатическое прикрытие.

Декабристы хотели не только (а может быть, и «не столько») решить важные политические задачи. Руководствовались и чисто утилитарными мотивами, стремились за счет смены власти в России, например, списать собственные долги. Многие из них за годы, предшествующие восстанию, по несколько раз закладывали-перезаклаживали свои имена. Уверения советских историографов в том, что заговорщики действовали исключительно ради коренных, революционных социальных преобразований в стране, — миф.

Если бы этот мятеж завершился для его устроителей удачей, страна захлебнулась бы в такой крови, что эксцессы Великой французской революции показались бы детскими шалостями.

Герой против заговорщиков

Отчего мятеж декабристов потерпел скорую неудачу? Оставим за скобками анализ общественно-политической ситуации в стране – есть причины более конкретные: заговор был своевременно раскрыт. За два дня до выступления планы бунтовщиков стали известны будущему императору Николаю. Начались массовые аресты, восстание было сорвано. Произошло это благодаря оперативным действиям генерала Ивана Дибича, потомка силезских рыцарей, перешедшего на службу России.

Владимир Перекрест

СВЕДЕНИЯ о нем довольно скудно представлены в отечественной историографии. А между тем его имя гремело далеко за пределами Российской империи. Одержав множество побед «не числом, а умением», он считался военным гением того времени, славился беспримерной храбростью, острым умом, абсолютной честностью и преданностью стране, ставшей ему второй родиной.

В детстве был низеньким, плотненьким да еще и рыжим — готовая мишень для насмешек. Однако мало кто из сверстников рисковал с ним связываться — мальчишка отличался бесстрашием, драчливостью, опять же умом Бог не обидел. Уже в раннем детстве стало ясно, что Иоганну фон Дибичу военное поприще на роду написано. Истории о ратных подвигах его предков сilesские летописи хранят еще с XIII века. А малышу о былых походах рассказывал отец, Ганс Эренфрид, ветеран Семилетней войны, адъютант самого Фридриха Великого. Старый вояка отдал сына в Берлинский кадетский корпус, однако вскоре покинул Прусское королевство — по приглашению Павла I перешел на службу российскому престолу. Был зачислен в свиту императора, стал Иваном Ивановичем, а в 1801 году перевез в Санкт-Петербург семью и навсегда связал судьбу 16-летнего Иоганна с новой родиной.

Молодой Дибич (теперь тоже Иван Иванович) начал службу в Семеновском полку. В отличие от товарищей избегал кутежей и балов. Штудировал военные науки и русский язык. По свидетельству знавшего его еще в ту пору Дениса Давыдова, брал уроки у некоего штабного майора и через полгода

А. Коцебу. «Сражение при Кульме 17–18 августа 1813 года». 1843

мог уже говорить и писать, «как природный россиянин».

Боевое крещение 20-летний прапорщик получил под Аустерлицем. Был ранен в правую кисть, но взял шпагу в левую и остался в строю. Впоследствии не раз демонстрировал «упоение в бою», но все же больше тяготел к штабной работе. Гренадеры посмеивались: мол, ясное дело, ноги коротковаты, чтобы

Великолепный стратег, Дибич понимал: надо опередить заговорщиков. 4 декабря он распорядился арестовать Павла Пестеля, Никиту Муравьева, других мятежников

поспевать за нами. Впрочем, воинский дух пруссака под сомнение никто не ставил — две золотые шпаги с надписью «За храбрость» и множество других наград говорили сами за себя.

Тактика и стратегия действительно оказались истинным призванием великолепного образованного офицера. Полковничьи эполеты он получил в 26. А тут и 1812-й. Наш герой снова на передовой. Сочетание военной мысли и личной отваги творит чудеса. Он же

штабной — знает, сколь важно для армии бесперебойное снабжение провиантом и боеприпасами. Значит, надо выдвинуть артиллерию и разнести в щепки неприятельский обоз. Что и было сделано, например, на Березине. За это и ряд других сражений Дибич, уже генерал-майор, награжден третьей шпагой «За храбрость» — не просто золотой, но и инкрустированной бриллиантами.

Порой этот неумный рыжий коротыш отваживался на авантюры. В конце 1812 года возглавляя в Восточной Пруссии отряд численностью до 2000 человек. У пруссаков, союзных Наполеону, оказалось раз в десять больше. Но это арифметика. А вот высшая математика: Дибич вклинился между войсками генералов Йорка и Массенбаха, лишив их связи между собой. Затем отправил к каждому переговорщиков, дабы сообщить пренеприятнейшее известие: милостивый государь, вы окружены. Блеф чистой воды, но генералы поверили. И тут же (куй железо, пока горячо) взял с них письменное обязательство не применять оружия против русских. В итоге Бонапарт в одночасье лишился 18 000 прусских солдат.

В полной мере стратегический талант проявился позже, в ходе турецкой кампании 1828–1829 годов. Вот сражение, названное одним из искуснейших в военной истории. Дибич помячил малым отрядом

под стенами крепости Шумлы, выманил великого визиря Решид-пашу в чисто поле, увел подальше от крепости — прямо под удар своих основных сил. В итоге, не имея численного превосходства, наголову разгромил врага, да еще и с минимальными потерями: 32 офицера и примерно 1300 нижних чинов против 5000 погибших и множества пленных у неприятеля.

И сразу же — переход через неприступные Балканы и рейд по тылам. Турки, полагавшие, что русские завязали под Шумлы, оторопело сдавали захваченные болгарские селения. Местные жители встречали наших солдат хлебом-солью и православными молитвами. Далее — собственно Турция. Взят без боя Адрианополь (ныне Эдирне), второй по значению город. В Константинополе — паника, защищать столицу некому, никто не ожидал прорыва. В результате турки подписали мирный договор. За этот поход Дибичу были пожалованы титул Забалканский и звание генерал-фельдмаршала.

Но это будет позже, при Николае I. А пока еще жив Александр. После победы над Наполеоном он приближает Дибича. Сторонившийся света генерал приобретает лоск, сходится с первыми фамилиями государства. Особенно уютно чувствует себя у другого «русского иностранца» — князя Михаила Барклая-де-Толли. Даже породнился с ним, женившись на его племяннице Анне (в свете — Женни) фон Торнау. Этот вспыльчивый человек, прозванный Самоваром за необузданный темперамент и фигуру, очертаниями напоминавшую знаменитый атрибут русского застолья, души не чаял в своей супруге. Увы, Бог не дал им детей.

Карьера шла своим чередом. Дибич сопровождал Александра во всех поездках. Был рядом и в Таганроге, когда император внезапно заболел и 19 ноября 1825 года скончался. Простившись с монархом, стал разбирать императорскую

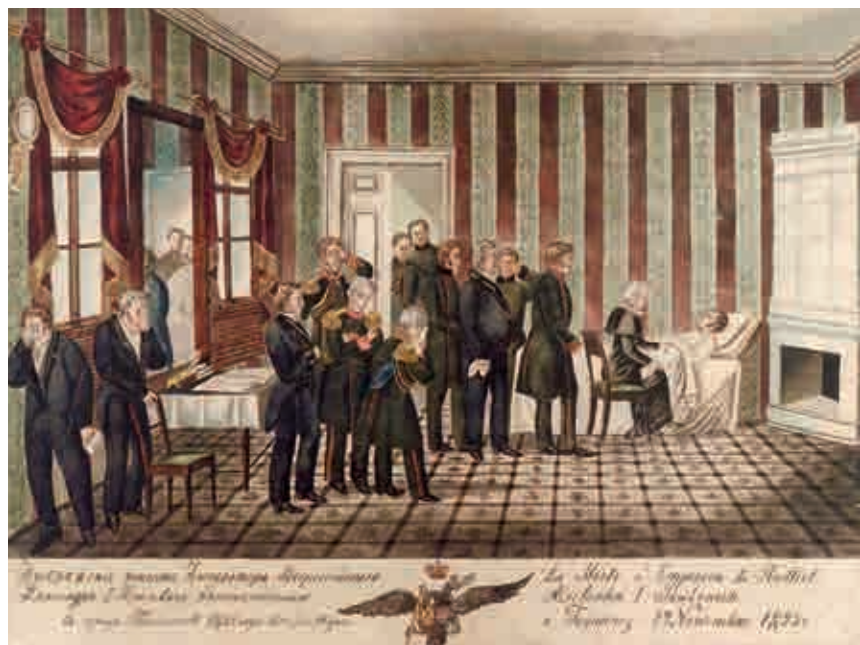
почту. И наткнулся на нераспечатанное письмо от капитана Вятского полка Аркадия Майборода. «С лишком уж год, как заметил я в полковом моем командире полковнике Пестеле наклонность к нарушению всеобщего спокойствия», — писал автор. Указывалось еще 45 имен заговорщиков. Брожения в офицерской среде не были секретом — еще 10 ноября Александр получил в Таганроге донесение о подготовке мятежа и приказал Дибичу арестовать названного в нем Федора Вадковского. Все было под контролем. Однако внезапная смерть Александра и воцарившийся период безвластия резко меняли дело. Брат умершего Константин не торопился занять престол, хотя ему уже присягнули многие полки и даже было отчеканено несколько монет с его профилем. Дело в том, что существовало известное лишь узкому кругу его отречение в пользу Николая. Последний же, не знавший этого, поначалу сам отказался от прав на престол в пользу Константина.

Великолепный стратег, Дибич понимал: лучшего времени, чем эта неразбериха, для восстания не найти. Надо было опередить заговорщиков. 4 декабря он распорядился арестовать Павла Пестеля, Никиту

Муравьева, других мятежников. Не зная, кто станет государем, шлет тревожное донесение Константину в Варшаву и Николаю в Санкт-Петербург. Дабы избежать неловкости, нигде не указывает имени — просто Императору.

«Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии», — писал позже Николай в своих записках. В итоге восстание провалилось, а верный военачальник до конца жизни пользовался его абсолютным доверием.

Полный георгиевский кавалер Иван Дибич умер в 46 лет — в военном походе на Польшу. По одним сведениям — от скоротечной холеры, по другим — отравившись шампанским, которое он традиционно, как и рюмку водки за обедом, выпивал перед сном. Его могилу и сейчас можно отыскать на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге — рядом с отцом и любимой супругой.

Великие реалисты

К. Юон. «Вид Троицкой Лавры». 1916

Мороз и солнце

Ксения Воротынцева

Зима — неотъемлемо-самобытная часть русской жизни. Все-таки основная часть территории России расположена там, где полгода кружит метель и очень трудно выжить без интенсивного отопления. Неудивительно, что снежно-ледяная вертикаль пронзает все сферы национального культурного пространства — от популярнейшего фольклора (взять хотя бы персонаж народных сказок Снегурочку) до отдельных, сугубо эстетских слоев изобразительного искусства.

С ПРАВЕДЛИВОСТИ ради заметим, что западные европейцы тоже пытались осмыслить феномен зимы — хотя климат в районах, близких к Атлантике, значительно мягче, нежели у нас. Можно вспомнить чудаковатого итальянца Джузеппе Арчимбольдо — того самого, который писал портреты, «составленные» из цветов, фруктов и овощей. Живший в XVI веке предтеча современных сюрреалистов создал цикл картин, объединенных темой времен года. Одно из аллегорических полотен называется «Зима» (1563). На нем изображено лицо человека из сучьев и коряг. Художник пребывал во власти мифологического мировосприятия, отождествляя завершение годового цикла с закатом жизни, старостью. Вскоре после смерти Арчимбольдо оказался забыт и лишь в XX веке вновь был открыт искусствоведами.

П. Брейгель Старший. «Зимний пейзаж с конькобежцами и ловушкой для птиц». 1565

Более известный пример обращения к зимней тематике — творчество Питера Брейгеля Старшего (с прозвищем Мужичский). Нидерландский художник, демонстрировавший неказистых простолюдинов, нередко передавал на холсте холодное время года. Впечатленные обилием снега и льда на его картинах, исследователи полагают, что в те времена в Европе царил «малый ледниковый период», несколько веков особо суровых зим. Хотя,

наверное, следовало бы сделать поправку на воображение мэтра. Скажем, хрестоматийная работа «Охотники на снегу. Зима» (1565) содержит сплошь жанровые сценки: на переднем плане плетутся, поджав хвосты, замерзшие собаки, слева возятся у костра обыватели, на дальнем плане катается на коньках и играет в игру, похожую на керлинг, веселая толпа. Однако, приглядевшись, замечаешь детали совсем не голландской действи-

тельности: огромные горы, скорее напоминающие Альпы, строгий замок в немецком стиле — они могли «прописаться» здесь лишь с попустительством фантазии Брейгеля.

В иных случаях живописец переносил внутрь родного антуража библейские сюжеты: избивание младенцев, перепись в Вифлееме, поклонение волхвов. Некоторой пикантности добавлял лежащий на улицах фламандской деревушки снег — вероятно, тем самым Брейгель подчеркивал вневременность историй, свершившихся много столетий назад и актуальных по сей день. Его картины глубоко иносказательны. Например, «Зимний пейзаж с конькобежцами и ловушкой для птиц» (1565): справа, на сугробах, щебечут птицы, не подозревающие, что их жизнь в опасности, слева скользят по замерзшей реке люди, и их судьба кажется ничуть не более счастливой. Кто знает, что ждет впереди, ведь жизнь так переменчива, — словно хочет сказать художник.

Последователи Брейгеля, копировавшие его работы, в том числе

В. Суриков. «Взятие снежного городка». 1891

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

и «Конькобежцев», подобных обобщающих высот не достигли. Ни у глухонемого от рождения Хендрика Аверкампа с его пасторальными картинками зимних игр, ни у Арта ван дер Нер, прославившегося ночными пейзажами, нет столь мощного притчевого подтекста. Впоследствии европейская живопись к теме зимы обращалась крайне редко. Впрочем, даже у голландцев снег и лед выступали в качестве второстепенных деталей, любопытных штрихов.

По-настоящему эпический (а также проникновенно-камерный, лирический) облик зима обрела в творчестве наших художников.

Н. Крылов. «Зимний пейзаж. Русская зима». 1827

Так сложилось не сразу — лишь когда российские мастера начали писать родные, а не итальянские пейзажи, перестали считать русские березки и поля чем-то заурядно-неинтересным. У одного из первооткрывателей ценности отечественного пейзажа Алексея Саврасова местные виды, в том числе и зимние, приобретают самостоятельное значение, становятся главными героями картин. Люди еще появляются на его полотнах — как, например, на написанном в 1873 году «Зимнем пейзаже», где изображен мужичок, ведущий под уздцы лошадку, впряженную в сани. И в то же время куда больше внимания уделено покрытым инеем деревьям, морозному небу, яркому солнечному свету — привычной, но всегда милой русскому сердцу красоте.

После картин Саврасова художники словно прозрели, бросились писать родные заснеженные просторы. Кто-то создавал спокойные, созерцательные произведения. Скажем, Иван Шишкин чрезвычайно искусно показал покрытый снегом лес («Зима», 1890). Другие — вроде баталиста Василия Верещагина — тяготели к жанровым картинам, но русской зиме отводили не подчиненную, а едва ли не первую роль. Это касается прежде всего цикла, посвященного войне 1812 года. Как известно, сильные морозы совместно с доблестными защитниками Отечества сломили упор-

ство надменных, самодовольных французов. Наша природа наглядно показала: с Россией воевать, мягко говоря, бесполезно. На картинах Верещагина зима — суровая и жестокая, засыпающая снежной картечью продрогшее иноземное войско («Ночной привал великой армии», 1896–1897). В другом эпизоде — холодная, безжалостная равнина, усеянная трупами врагов («На большой дороге. Отступление, бегство...», 1887–1895).

Можно привести множество иных примеров. Как не вспомнить мастера исторической живописи Василия Сурикова, у которого зима связана с играми и весельем, понятными прежде всего русским («Взятие снежного городка», 1891). А также — более поздних художников, вроде Константина Юона и Бориса Кустодиева, изображавших зиму яркую, пряничную, лишенную пафоса и в то же время обаятельную, духовно и душевно близкую.

Не прервалась эта традиция и в советские времена. Николай Крымов писал самодостаточные величественные пейзажи («Зимний вечер», 1919). Игорь Грабарь показывал зрителям неистовство красок («Роскошный иней», 1941). Некоторые мастера, следуя Саврасову, не стеснялись изображать обыденность, достигая при этом настоящей поэтичности (Исаак Бродский, «Зима», 1922).

Однако центральным мотивом, который встречается у самых разных художников (Константина Крыжицкого, Льва Лагорио, Федота Сычкова и других), стал холодный солнечный день. Вспоминаются знакомые с

А. Пластов. «Первый снег». 1946

А. Саврасов. «Зима». 1873

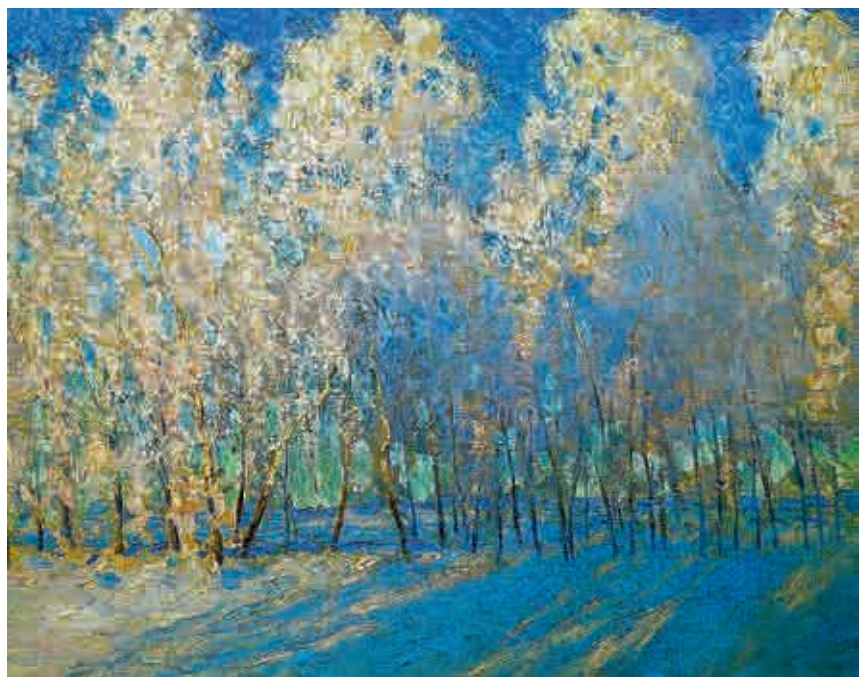
И. Грабарь. «Роскошный иней». 1941

детства строчки Пушкина: «Мороз и солнце; день чудесный!».

Можно мысленно заглянуть в этом плане и в историческую дальнюю даль — в колыбель европейской цивилизации, античность. Туда, где родился миф о Гиперборее, благодатной земле, населенной любимцами богов. В описаниях, дошедших до наших дней, есть две важные детали. Во-первых, по легенде это сугубо северная страна, хотя никто специально и не указывает на ровные, бескрайние заснеженные пространства. Во-вторых, о чем упоминает древнеримский ученый Плиний Старший, она залита солнцем. Гиперборейцам покровительствует Аполлон, прилетающий на колеснице, запряженной лебедями. Кристальная ясность, чистота, слепящий свет, героическое — вот тот ряд коннотаций, который вызывает легенда об этой стране постоянного благоденствия, прекрасного, вечного «теперь».

Наши художники, писавшие сдержанные северные пейзажи, вряд ли глубоко задумывались о вдохновенных чудачествах древних греков. Лед, огромные, искрящиеся равнины, колющий щеки мороз... Как бы там ни было, Россия — не для слабаков. Это край особых условий. Тут нельзя нежиться, расслабляться. Что общего с Гипербореей? Слепящая зимняя реальность для нашей страны — относительно комфортная обыденность, в отличие от Европы, где внезапные заморозки и редкие снегопады вызывают жуткие коллапсы.

Наше неизменное «теперь» (которое не имеет конца, но имеет начало) суть имманентный атрибут русской жизни. А белый — не просто цвет, но весь спектр, свет в чистом виде. То есть полнота бытия и смыслов, каковой, возможно, позавидовали бы даже жители таинственной прародины европейцев.

Возвращение имени

Навстречу северной Авроры

Елена Мачульская, Омск

Времена, как известно, не выбирают, и кем быть (а не казаться) в доставший тебе исторический срок, каждый решает сам. При более благоприятных обстоятельствах земного существования Георгий Маслов наверняка удостоился бы и прижизненной, и последующей «славы мира». Однако этого до сих пор не случилось в полной мере: даже его 120-летний юбилей в уходящем году внимания общественности, увы, не привлек.

НА ИЗЛОМЕ эпох он мысленно, ментально жил своим любимым пушкинским веком и до конца остался верен себе: умирая в тифозном бараке, 24-летний поэт продолжал писать хорошие стихи.

Тонкий профиль, пронзительно грустные глаза, небрежно откиннутые назад волосы. Мечтатель, романтик, рыцарь Белой идеи. Неудивительно, что его имя оказалось надолго забытым...

Классический книжный мальчик, он родился весной 1895 года в Моршанске Пензенской губернии. Раннее детство провел в Самаре. Затем его отец получил новое назначение по службе, и семья переехала в Симбирск. Владимир Николаевич был дворянином, подпоручиком Юхновского резервного батальона. Мать, Любовь Николаевна, происходила из

обрусевшей немецкой купеческой семьи, состоявшей в близком родстве с небызвестным семейством Гиппиус.

Георгий учился отменно, получал награды при переводе из класса в класс, очень много читал. Сдав все экзамены и получив по окончании гимназии серебряную медаль, в 1913-м легко поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

В прославленной альма-матер действовал Пушкинский семинарий, который вел историк литературы Семен Венгеров. Участники этого общества занимались исследованием творчества великого писателя, составляли словарь его поэтического языка. Именно там юноша из провинции, ощущавший себя по духу истинным петербуржцем, нашел то, о чем давно мечтал. «Я помню Маслова по Пушкинскому семинарию Петербургского университета. Здесь он сразу и безмерно полюбил Пушкина, и хотя занимался по преимуществу изучением пушкинского стиха, но, казалось, и жил только Пушкиным, и недалеко был от чувственного обмана: увидеть на площади или у набережной его самого. Дельвиг и Баратынский тоже стали для него ощутимы до физического чувства их стихов», — писал впоследствии Юрий Тынянов.

Маслов, конечно же, и сам сочинял. Его произведения печатались в журналах «Богема» и «Рудин», в сборнике «Арион», в антологии «88 стихотворений», составленной Зинаидой Гиппиус. Писал, как было принято в заветные пушкинские годы: *О мой ямб, звонконогий мой конь, / Непокорный рабам Буцефал, / Я смогу укротить твой огонь, — / Я свободным и дерзостным стал!*

Вся его поэзия преисполнена аристократизма Северной Пальмиры. Хотя реально в Петербурге он провел всего четыре года. О его рифмах и ритмах — сдержанных,

Г. Маслов

строгих — одобрительно отзывался Николай Гумилев, относил их к направлению, которое определял как «позабитое со времен Пушкина благородное искусство просто и правильно писать стихи». Пушкинский стиль на фоне перенасыщенного, обремененного множеством условностей и новаций стихотворчества восхищал своей сложной простотой.

Молодой поэт сумел оживить красивую, казалось бы, уже безвозвратно ушедшую традицию далекой эпохи. Только любимый Петербург все меньше напоминал город

Александра Сергеевича, погружался постепенно в смутный хаос...

В ноябре 1916-го Маслов обвенчался с юной поэтессой Еленой Тагер, также увлеченной поэзией Пушкина. Через несколько месяцев после Февральской революции молодожены отправились в Симбирск, к родным Георгия — заниматься выборами в Учредительное собрание. До формального окончания университета студенту оставалось несколько экзаменов. Он уже приступил к своему кандидатскому сочинению (о лицейских стихах любимого поэта), но так его и не закончил.

В Симбирске вступил в Добровольческую армию, участвовал в организации боевых отрядов. Вместе с отступающими частями Чехословацкого корпуса добрался до Омска и поступил рядовым в войско Александра Колчака.

Тогда на омскую землю съехались те, кто не принял Октября, кто верил, что легендарный адмирал сможет остановить кошмар братоубийственной войны. Здесь собралось много известных поэтов и писателей. Омск стал настоящим «приютом благородных муз». Творческая жизнь, вопреки всем далеко не самым благо-

К. ШАЛУНОВ. «ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ГЕНЕРАЛА КАПТЕЛЯ»

приятным для этого обстоятельством, в столице Белой России не замирала ни на минуту. Один из современников по этому поводу заметил: «И в этой воспаленной атмосфере — страшный, на первый взгляд, жадный, страстный интерес к искусству. Вернисажи, поэтические турниры, литературные вечера». На сей «страшно-страстный» период как раз и пришелся наивысший расцвет поэтического таланта Георгия Маслова. Он ютился на Каинской улице, в убогом жилище, которое Леонид Мартынов потом назвал «нищей кельей аскета», в «страшной, хотя и вполне аккуратной пустоте» полуподвала. И писал, оставшись верным единожды выбранному пути, прекрасные, полные фатальной обреченности стихи.

*От мира затворясь упрямо,
Как от безжалостной зимы,
Трагичный вызов Вальсингама,
Целуясь, повторяем мы.
И завтра тот,
кто был так молод,
Так дружно славен и любим,
Штыком отточенным
проколот,
Свой мозг оставит мостовым.*

Его сочинения охотно печатали в городских газетах. Георгий заявлял граду и миру, что даже в столь страшное время весна остается весной, а добрая память дает силы жить и творить.

*Того не пугают пули,
Кто изведет мед земной;
Хорошо, что хоть в карауле
Ты дышишь милой весной.*

Писал о мучительной разлуке с близкими, о тягости бытия вдали от любимой жены и маленькой дочки.

*И вот сон стал явью:
Я — декабрист
в пустынной Сибири,
И ты не можешь приехать
В мое изгнание.
Слушай — проснемся!
Ведь это было
Сто лет тому назад.*

И о безумии, в которое окончательно погрузилась страна:

*Кому судить кровавый опыт
Сулящих рай в кольце штыков?
Хватает голоса на шепот
У митинговых крикунов.
Кто были горячи и юны,
Могилы обрели себе!
Из-за границы шлют трибуны
Неустрашимый зов к борьбе!
Но нам нет времени, иная
У нас, веселая борьба —
Бродяги, в ожиданье рая,
Громят спиртные погребя.*

Эту поэтическую хронику массового умопомешательства с символическим названием «Кольцо» он продолжал публиковать даже тогда, когда стало ясно: кольцо неотвратимо сжимается, надеяться не на что. Потом в своей новелле «Пушкинист и футурист» Леонид Мартынов вспоминал:

«Я даже прямо сказал ему, что фронт, как известно, уже на Тоболе, все знают, что разговоры о взятии Москвы — вздор и как бы ему, Георгию Маслову, не пришлось задуматься о том, чтоб его кто-нибудь спасал... Он ответил, что именно теперь было бы для него бесчестьем спрятаться в нору и замолчать».

В 1919 году в обреченной Белой столице он воспевал знаменитую красавицу пушкинской поры Аврору Шернваль. Даму, которую Баратынский именовал «соименницей зари». И над которой явно тяготел в свое время злой рок. Первый ее жених умер до свадьбы. Затем Аврора вышла замуж за богача, мецената и чудака, графа Павла Демидова. И через четыре года осталась вдовой. Второй брак, с сыном известного писателя Андреем Карамзиным, принес Авроре долгожданное счастье, продолжавшееся почти 8 лет. Казалось, рок отступил, но началась Крымская война, и полковник Карамзин покинул любимую супругу. В мае 1854 года он, командуя кавалерийским отрядом, вступил в бой со значительно превосходящими силами турок и был убит.

«Отчетливая (до линий историко-литературного реферата) композиция; традиционные, богатые архаическим весом эпитеты; сжатость поэтических формул и переходов; тонкая эротика, воскрешающая полухолодную эротику Баратынского, — черты эти довольно точно возобновляют красивую традицию», — рекомендовал Тынянов в предисловии к этой изысканно-утонченной поэме. Ее опубликовали уже после смерти Маслова — в Петрограде, в 1922 году.

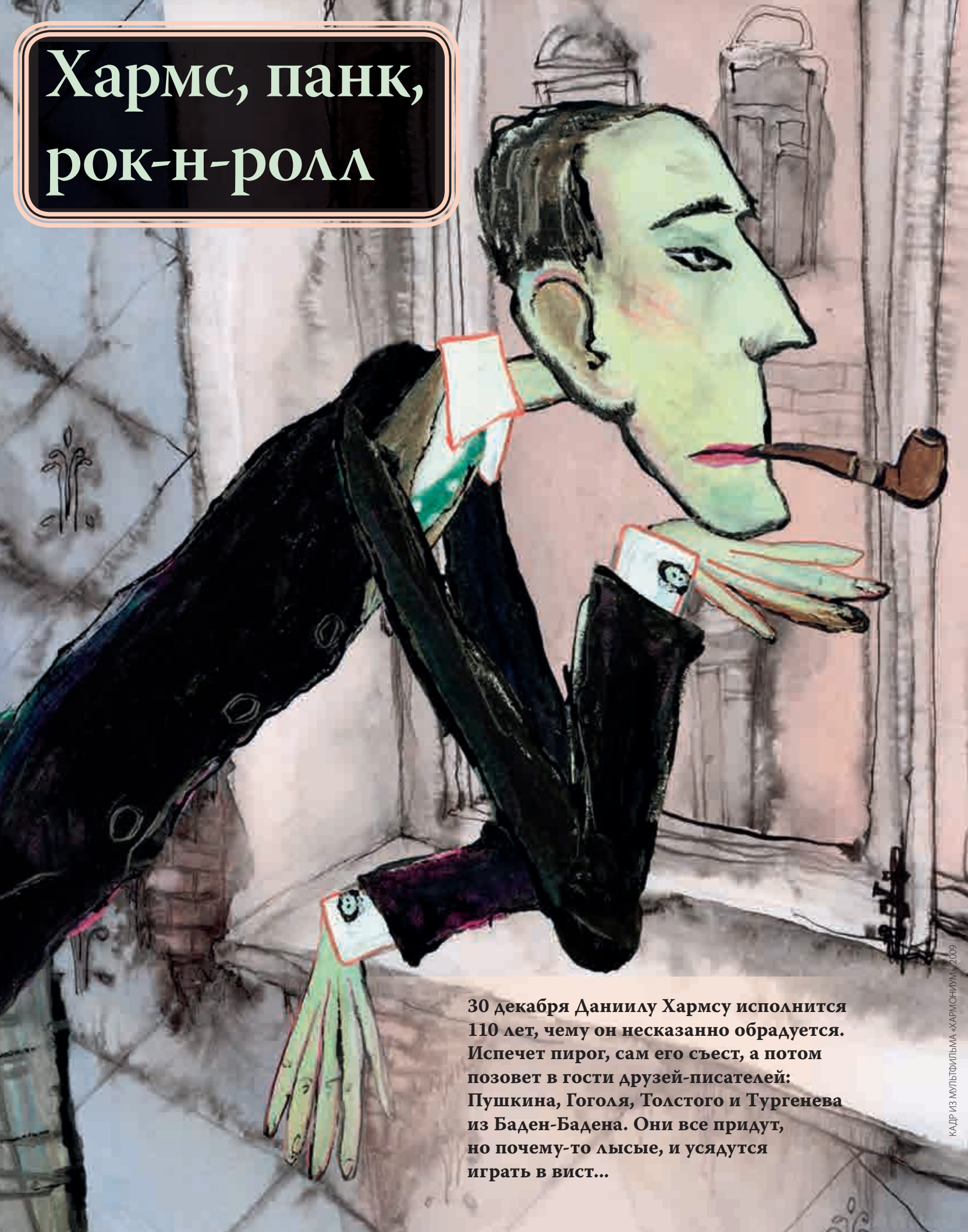
В ноябре 1919-го войска Колчака оставили Омск. При отступлении, в вагоне поезда, Георгий Маслов продолжал творить. Так появился еще один трагический, документальный цикл «Путь во мраке».

*Мы приехали после взрыва.
Опоздали лишь на день,
А то погибнуть могли бы.
Смерть усмехалась криво
Из безглазых оконных впадин.
И трупов замерзших глыбы
Пронесли неторопливо...
Но мы равнодушны к смерти,
Ежечасно ее встречая,
И я, проходя, — поверьте —
Думал только о чае.*

В дороге поэт заболел сыпным тифом. В Красноярске его сняли с поезда. Он умер на больничной койке в тифозном бараке. Где погребен — неизвестно. Скорее всего, там, где массово хоронили подхвативших смертельную заразу — в общей могиле, отмеченной лишь табличкой с указанием количества умерших. Перед уходом из жизни Маслов еще правил поэму «Аврора». Произведение, на которое его вдохновил портрет прекрасной дамы, случайно увиденный когда-то в лавке букиниста, на Литейном.

*Я не забуду наши встречи,
Кудрей крутые завитки,
И беломраморные плечи,
И взгляд, исполненный тоски.
И под глазами роковыми,
Нежданной песнею горя,
Твержу пленительное имя,
Сияющее как заря...*

Хармс, панк, рок-н-ролл

30 декабря Даниилу Хармсу исполнится 110 лет, чему он несказанно обрадуется. Испечет пирог, сам его съест, а потом позовет в гости друзей-писателей: Пушкина, Гоголя, Толстого и Тургенева из Баден-Бадена. Они все придут, но почему-то лысые, и усядутся играть в вист...

Год литературы

РИСУНОК: Д. ЧЕРТАНОВА

Дарья Ефремова

ОПУБЛИКОВАВШИЙ всего лишь два «взрослых» стихотворения, Хармс и при жизни, и после обрел такое количество почитателей-подражателей, что специалистам остается только развести руками: масштабы влияния еще предстоит изучить.

Модернизм, заумь, бессмыслица, алогизм, черный юмор, гротеск, абсурд — так определял избранные им направления этот явно неординарный поэт и прозаик, драматург и детский писатель. Жанрами пользовался разными: не только какие-нибудь банальные повести и рассказы пописывал, но еще и сцены, драмы, водевили, мольбты, трактаты и квазитрактаты.

«Караул, моя правая рука и нос такие же штуки, как левая рука и ухо», — мог во всеуслышание заявить герой его пьесы.

Чудак планетарного размаха, Хармс не забывал и об оригинальности костюма. Рослый, сутулый, «назло неизвестно кому ходил в гольфах, носил крахмальный, высокий воротник, галстук типа «пласт-

рон» и булавку в виде подковы, усыпанную синими камушками и бриллиантками», — вспоминала художница-авангардистка Алиса Порет. Одним из любимых развлечений ближнего круга были диалоги Хармса с его другом Александром Введенским. Максимум вежливости, бонтона и чудные (ударение допустимо ставить как на первый, так и на второй слог) реплики. «Можно узнать, Даня, почему у вас такой мертвенно-серый, я бы сказал, оловянный цвет лица?» — «Отвечу с удовольствием — я специально не моюсь и не вытираю никогда пыль с лица, чтобы женщины рядом со мной казались бы еще более розовыми».

И совсем уж панковские заключались пари, когда кому-то из приятелей было не на что выпить. «Например, Хармс должен был дойти от нашего дома до Литейного проспекта, приодевшись в канотье без дна, так что волосы торчали вверх полей; в светлом пиджаке без рубашки, на теле был виден большой крест; военные галифе моего брата, и на голых ногах ночные туфли. В руке сачок для ловли бабочек. Пари держали на бутылку шампанского: если Хармс дойдет до перекрестка и никто не обратит на него внимания, то выиграл он, и — наоборот» (из мемуаров Алисы Порет).

Более всего эксцентричный питерец запомнился «дерзкими», циническими литературными анекдотами — авторскими и приписываемыми. «Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично...» Или — «у Пушкина было четыре сына и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле».

А еще — смешными стишатами: про щенков Плюха и Плиха, маму и папу Фиттих, Ивана Топорышкина и самовар, которого звали Иваном Ивановичем, про сорочка четырех веселых чижей, живших в квартире сорочка четыре.

ГРАФИТИ: Г. ЗИЛЬКОВСКИЙ

Казалось бы, детская непосредственность и протестная контркультурность — вещи, плохо сочетающиеся. Но нет, бывают исключения. Как и многие авангардисты, он связывал себя с анархизмом — и политически, и мировоззренчески. Отсюда стремление к разрушению традиционных аксиологических шкал, низвержению авторитетов и наивно-безыскусный взгляд — как художественный прием, выразительное средство. Чистое сознание, без норм и «понятий о приличиях», этот enfant terrible противопоставлял взрослым стереотипным представлениям.

В мифологическое первовремя он и его последователи поместили и классиков XIX века: Гоголь и Пушкин, Белинский и Чернышевский, Толстой и Достоевский становились в этой реальности демиургами и заигравшимися детьми. Пугая друг друга и прячась под лавки, любя то собак, то Наталью Николаевну, размахивая костылями и подписываясь чужими фамилиями, они создавали новое «коллективное лицо» русской культуры — в духе постмодернизма, о котором тогда в городе на Неве, разумеется, никто не знал. Эта игра была с энтузиазмом подхвачена в конце XX века. Например, в подражание Хармсу бывшие сотрудники журнала «Пионер» создали цикл анекдотов «Веселые ребята», где фигурируют все те же «воспетые» их кумиром классики.

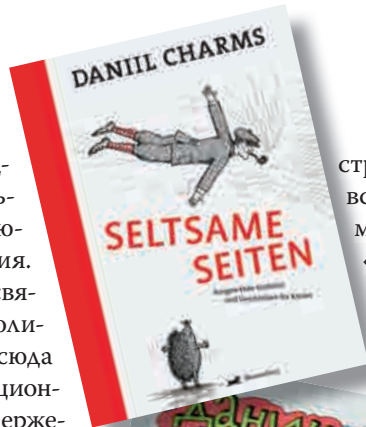
О нем как об индексальной фигуре русского андерграунда заговорили в конце 1980-х. Актуальный миф тогда творился из музыкальных маргиналий, которые, однако, претендовали на «вписку» в большой культурологический контекст. «Приехали древние кельты в Питер своего земляка БГ послушать... Послушали, пошушукались и решили: «Этот — наш!» — и подарили ему единорога. Да не простого, а какой-то древнекельтской породы. Призадумался Боб — куда его девать? Тем паче, что у него один уже есть. Чем кормить? Решил в зоопарк определить, да Майк не берет — ему и женщин хватает. Проклял тогда Боб всех древних кельтов и их чертовы древнекельтские подарки и к раннему пигмейству обратился. Там хоть все маленькое». «Сидят Боб и пьяный Дюша дома, Боб превращает воду в вино, а пьяный Дюша все выпивает. Не успеет Боб все ка-

стрюли наполнить — глядь, пьяный Дюша уже все выпил». «Идет доктор Кинчев по Невскому и шприцем, словно шпагой, размахивает». «Идет Майк по Невскому, весь женщинами облеплен».

Анекдоты о русских рокерах так и назывались — «Хармс-рок». О значении Хармса увлеченно говорили и сами музыканты: Борис Гребенщиков, Вячеслав Бутусов, Анатолий Гуницкий, «Мумий Тролль», Умка... Исследователи отмечали большое влияние Даниила Ивановича на литературный постмодерн. Даже Виктор Пелевин с Владимиром Сорокиным признавали его авторитет вкупе с приоритетом.

Запрещенное (а какое-то время и не сильно востребованное) хармсовское письмо в стол хорошо рифмовалось с феноменом самиздата, самодельными записями магнитоальбомов, «квартирниками». В интересе к поэту со стороны питерских (и не только) контркультурщиков, наверное, можно разглядеть глубинные семиотические механизмы. Сын народовольца, некогда приговоренного к смертной казни, выпускник элитной школы, отчисленный за слабую посещаемость ученик Ленинградского электротехникума, пацифист и белобилетник Даниил Ювачев (Хармс, ясное дело, псевдоним, произошедший от английского слова «вредный») подходил андерграунду и по своему психологическому типу. Разве что в кочегарке не работал. Но был гоним — после знаменитого вечера «Три левых часа» и постановки «пиэссы» «Елизавета Бам» газеты назвали его классовым врагом. А в первую блокадную зиму поэт умер в психиатрической больнице: он имитировал сумасшествие, чтобы избежать расстрела за пораженческие настроения.

Бесхитростный рассказчик, затейник, визионер, заводила, Хармс шел от веры к безверию, от оптимизма к безысходности. Гротеск, искажение и смещение смыслов, психический коктейль из смеха и страха — ментально-социальный аспект абсурдности породил абсурдность метафизическую: его лирический герой был заброшен туда, где для него оказались утраченными все необходимые связи и ценности.

Русский характер

Людмила Жукова

День Героев Отечества, который отмечается в России 9 декабря, продолжает — спустя несколько советских десятилетий — традицию празднования Дня георгиевских кавалеров, введенного в наш календарь Екатериной Великой. В том, что российская история как никакая другая богата подвигами, никого — ни у нас, ни за рубежом — убеждать не надо. А вот вспомнить тех, кто, заслужив общенациональную славу, по каким-то причинам ее не удостоился, сегодня вовсе не лишне. Например, русских летчиков, ставших пионерами воздушного тарана.

В СРАЖЕНИЯХ Первой мировой самолеты противника отчаянными таранными ударами сбивали штабс-капитан Петр Нестеров и ротмистр Александр Казаков. Первый при выполнении смертельно опасного маневра погиб. Второй же, оставшись в живых, снял печать неминуемой гибели с нового боевого приема авиаторов.

О Казакове в советское время принято было умалчивать: волею судеб он, «ас асов» (18 побед плюс 14 недоказанных), воевал в Гражданскую против красных. Однако в зарубежных изданиях герой упоминается среди величайших летчиков мира. К примеру, во французской мини-энциклопедии Джеймса Прюнье можно прочесть:

А. Казаков

«Казаков Александр, русский ас (17 побед), придумавший весьма оригинальный способ отправки на землю своих врагов. Со своего «морана» он опускал на веревке якорь, которым отрывал крылья у самолетов противника».

Пять раз оторвал успешно. Про шестой, поистине исторический бой вспоминали впоследствии сослуживцы, приводя слова доклада Казакова командиру: «На этот раз прокалятая «кошка» (тот самый якорь) зацепилась и болтается под

днищем самолета! Два фронта — 40 тысяч глаз, русских и немецких, смотрят из окопов! Тогда я решил ударить «альбатрос» колесами сверху, как Нестеров — чиркнуть. Что-то рвануло, толкнуло, засвистело... в локоть ударил кусок от крыла моего «морана»... Садился, парашютируя, но на земле перевернулся. Удар колесами был настолько силен, что шасси было вогнуто под крылья».

Советские пилоты, когда пришел их черед, с готовностью подхватили эстафету.

Первый в годы существования СССР таран совершил в ночь на 25 октября 1937 года «камарада Эухенио» — летчик-доброволец Евгений Степанов. На своем И-15 он вывел из строя неприятельскую

А. Губенко

«савойю» посредством «чирканья» — колесами, по-нестеровски.

Второй подобный случай произошел в оккупированном японцами Китае, в массовой бою (по сто самолетов с каждой стороны). Капитан Антон Губенко еще на земле обдумал свой «культурный» таран — ударом по хвосту самолета. Это было 31 мая 1938-го. А через год, когда милитаристы полезли в Монголию, наши войска дали им отпор у реки Халхин-Гол. 20 июля 1939 года Витт Скобарихин на

«ишачке» (И-16) пошел с полным боекомплектом на японца, атаковавшего в тот момент необстрелянного новичка Василия Вусса. Скобарихин ударил на скорости всей массой машины, и только чудо уберегло его от смерти. По-видимому, свыше была учтена готовность погибнуть «за други своя». Даже сесть кое-как смог наш пилот.

Там же, на Халхин-Голе, произошел первый в мире огненный таран. 14 августа 1939-го батальонный комиссар Михаил Юкин, будучи ранен, приказал экипажу прыгать с парашютом, а сам, теряя высоту, направил самолет на вражеские позиции. Показательно, что этот пример «послужил» в дальнейшем японской армии, приглянувшись камикадзе-смертникам. Впрочем,

В. Куляпин

наши соотечественники отнюдь не реже шли на самопожертвование, а имя Николая Гастелло и по сей день говорит россиянам о многом.

Летопись воздушных таранов Великой Отечественной начинается с первых минут иноземного вторжения. Список участников «рукопашных боев» в небе первого дня войны просто необходимо огласить.

22 июня. 4.05–4.15 утра. Близ Замброва (сейчас польский Замбрув) лейтенант Дмитрий Кокорев крылом отрубил хвост разведчику

До-215, поскольку бортовое оружие новенького неблетанного МиГа отказало. Приземлился и написал жене Кате в Ялту: «Ты помнишь мои слова: я никогда никому не уступлю? Так и вышло. Дело произошло 22 июня на рассвете. Вот об этом и все».

4.25. Не позволил бомбить аэродром у Млынова Иван Иванов. Получив ранение, сумел посадить самолет, но от потери крови по дороге в госпиталь скончался.

Таранную драму-трагедию того дня продолжили на разных участках гигантского фронта Леонид Бутелин, Степан Гудимов, Василий Лобода, Анатолий Протасов, Евгений Панфилов, Петр Рябцев, Андрей Данилов, Тарас Малиенко, Александр Мокляк, Николай Игнатъев, Иван Ковтун, Николай Ковтун...

Среди героев разящего удара — грузины Чичико Бенделиани, Ванно Беришвили, армянин Михаил Галустян, еврей Лев Бинов, азербайджанец Владимир Багиров, крымский татарин Амет-Хан Султан.

Из таранщиков первого дня войны Героем Советского Союза стал лишь Иван Иванович Иванов — посмертно. Донесение о его подвиге с западной границы до наградного отдела наркомата обороны шло долго, указ о награждении был издан лишь 2 августа 1941 года.

Заключенные друзья СССР называли такой способ воздушных схваток «безумием», «варварством», «азиатчиной», «удалью спьяну» и даже «неумением воевать». А немецкие пленные летчики обвиняли наших соколов в том, что они «воюют не по правилам». По каким правилам воевали фашисты, хорошо помнит старшее поколение: бомбежки спящих городов, эшелонов и морских транспортов с красными крестами, стрельба на бреющем по толпам несчастных беженцев... А вот откровение самого результативного нацистского аса Эриха Хартманна: «Ищи отставших от группы одиночек, выбирай новичков — их видно по поведению».

Характерно в этом плане признание ветерана люфтваффе генерала Вальтера Швабедиссена: «Русские летчики игнорируют чувство самосохранения. Мы сражались с ними не на равных».

От обвинений в «безумии» в свое время взялся защищать наших таранщиков видный английский военспец, историк авиации Роберт Джексон: «Вопреки распространенному мнению русский таран был не жестом отчаяния, а хладнокровно продуманным приемом воздушного боя, требовавшим высочайшего мастерства и стальных нервов... Когда русский пилот оказывался в трудном положении, он закладывал крутой вираж и на полной скорости устремлялся на ближайший «мессер». Эта тактика срабатывала, нервы немцев не выдерживали, и они резко выходили из боя».

Подобным страхом в рядах люфтваффе в первые месяцы войны был порожден известный циркуляр: «Не

подходить к русским самолетам ближе 100 метров». Это ли не первая психологическая победа над врагом?

Были храбрецы, которые совершали за войну (или даже в одном бою!) по два тарана. Имели место и двойные таранные удары по одному самолету — если тот не был сбит в результате первого. Случались и тройные, когда приходилось ударять в третий раз. В летной среде ходили легенды об Алексее Хлобыстове, трижды ходившем на таран. 8 апреля 1942-го, расстреляв боезапас в сражении восьми истребителей с 28 самолетами противника, он крылом своего «Томагавка» сбил двух «мессеров». А 14 мая того же года Хлобыстов, раненый, на горящем американце таранил «юнкерс». Погиб в роковой для многих день — 13 декабря 1943 года, при выполнении особо важного боевого задания в тылу противника. Подробности неизвестны. Его именем названа московская улица у станции метро «Выхино». Однако таблички с описанием подвига там нет, и остается он даже для жителей улицы неизвестным...

С героем четырех таранов Борисом Ивановичем Ковзаном мне посчастливилось однажды встретиться в Минске. Два таких экстремальных маневра он, 19-летний мальчишка, предпринял в первую осень войны: 29 октября 41-го под Москвой срубил хвост Me-110 винтом Яка. Винт выправили авиатехники — и снова в небо. А 21 февраля 1942-го под Торжком, расстреляв боеприпасы во время рандеву с тремя «юнкерсами», таранил головной. Остальные развернулись на запад.

7 июня того же года над железнодорожной станцией Лобница Новгородской области, спасая товарища, отвлек на себя двух «мессеров», сманеврировал и крылом своей машины срезал крыло вражеской. Второй «мессер» драпанул. Подвиги двадцатилетнего пилота командованию части были не по душе: плохой пример, мол, подавал новичкам. В четвертый раз таранить пришлось, когда взяла его в клещи пятерка вражеских самолетов. Был ранен. Провел крагой по лицу — сырая. Что подумал, то и прокричал в радиоэфир: «Вытекают мозги, иду на таран!» И устремился по направлению к головной машине. «А ведь немец тоже смелый оказался, — с уважением к противнику рассказывал Борис Иванович. — Не свернул! Я выжил потому, что в бою всегда открывал фонарь и отстегивался. После дикой встряски меня вышвырнуло и понесло вниз. Очнулся, дернул за кольцо парашюта. Плюхнулся в болото, перед окопами наших пехотинцев... Глаз потерял. Продолжил воевать со стеклянным. Только когда сбил — служба в другом полку, уже одноглазым — самолет-разведчик, получил Звезду Героя».

С 1943 года количество таранов пошло на спад. Летному составу было разъяснено: «Наши истребители имеют отличное мощное вооружение и превосходят в летно-тактических данных все существующие типы немецких истребителей. Применение тарана в бою с

самолетами противника, имеющими низкие летные качества, нецелесообразно».

За тараны стали поругивать, зачастую — не награждать, считая это ненужным лихачеством. Дважды Герой Советского Союза Виталий Попков, с которого списали двух своих героев создатели фильма «В бой идут одни «старики», сокрушенно признавался: «Однажды предложил махнуться часами нашему особисту. А тот — ни в какую, я и ляпнул: «Хочешь, я за них тараном немца собью?» А мы уж в Германии были, считанные дни до победы. Он и не поверил — поспорил. И вот 14 апреля над Берлином в групповом бою я подошел к «мессеру» с хвоста и рубанул по стабилизатору винтом. Помню ощущение — будто в столб врезался. Искры из глаз! Осколки фонаря чуть не содрали вместе со шлемофоном скальп. А вмятина на переносице так и осталась — на память. Кровь заливала лицо, когда я хорористо доложил командиру: «Пошел на тарр-ран!» А он в ответ: «Ну и дур-ррак!» И вправду — дурак. Я о том таране помалкивал, потому что таран — дело святое. На этот проскок между жизнью и смертью идти можно в крайнем случае и ради спасения других. Прагматичные немцы на таран не ходили».

Последний такой случай в годы Второй мировой войны произошел в августе 1945-го, когда лейтенант Александр Голтвенко сбил японский истребитель.

С началом эры реактивных самолетов, в которых вместо разящего винта — огненный вихрь сопла, казалось, что воздушный таран ушел навсегда в прошлое.

Однако 18 июня 1951 года в Корею, в бою с 16 американскими «сейбрами» капитан Серафим Субботин резко затормозил свой стремительный МиГ-15бис, сравнив, как учит теория тарана, скорости, и нанес удар машиной по крылу «сейбра», которое тут же отвалилось. Субботин благополучно катапультировался.

28 ноября 1973-го неподалеку от Тбилиси на сверхзвуковом реактивном МиГ-21 капитан Геннадий Елисеев послал ракету в сторону нарушителя границы, но

лишь повредил тем самым неприятельский самолет. И летчик совершил единственно возможный на такой машине таран — снизу. При нем пилот теоретически должен остаться жив... К несчастью, расчеты не оправдались. Герой Советского Союза (посмертно) Елисеев похоронен в родном для него Волгограде. Улица, где он жил, носит его имя. Однако на вопрос, в честь кого та названа, из жителей, молодых и пожилых, только один ответил правильно. Просто потому, что оказался одноклассником Геннадия Николаевича.

Последний из известных таранов — на счету Валентина Куляпина. 18 июля 1981-го в Закавказье на реактивном сверхзвуковом Су-15 он пытался принудить самолет-нарушитель к посадке, но тот ускорил движение к границе. Пришлось, подравняв скорость, бить снизу, как это делал Елисеев. О чем думал наш пилот, поднырнув под брюхо нарушителя? Ответ был таков: «Казалось, что плоскости его стабилизатора конца нет — когда уж небо увижу и можно, наконец, «выныривая», ударить по нему своим фюзеляжем и крылом. Промелькнуло в голове: хорошо, что жена с детьми на море, ее подготавливают, если что со мной... А тут «земля» спрашивает: «Ваши действия?» Попробуй, скажи, что иду на таран — начнут совещаться,

согласовывать. И я бодро так кричу: «Вишу под целью!» Наконец, вижу небо. Ручку на себя. Фюзеляж моей машины бьет по ненавистному стабилизатору. Летят осколки фонаря. Решаю не рисковать дальше — катапультируюсь. На земле упрекнули — «поспешил покинуть машину, мог бы спасти».

Куляпин был награжден орденом Красного Знамени. По мнению тогдашних командиров — до Героя «не дотягивал».

Но сделал-то он даже больше, чем требовалось. Не только выполнил боевое задание, уничтожив нарушителя границы, но и показал: таранный удар возможен и в таких условиях, а удавшийся проскок между жизнью и смертью — не что иное, как очередной победный прием доблестной авиации Отечества.

Стоп-кадр

Николай Рыбников
и Светлана Дружинина
на съемках фильма
«Девчата»

Русый, честный, влюбленный

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Алексей Коленский

13 декабря исполняется 85 лет со дня рождения истинно народного артиста — Николая Рыбникова.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ годы. Народ, победивший фашизм, подставляет плечо ударным стройкам, расправляет крылья навстречу космическим ветрам, поднимает паруса надежд на мирное завтра. Ставки на новых экранных героев высоки, как никогда: заканчивается «эпоха малокартинья», зрители ждут историй о простых работающих парнях, способных свернуть горы. И вот, во второй половине 1950-х на экранах восходит яркое светило. Околдованная «Весной на Заречной улице» и «Высотой» страна запекает: «Когда весна придет, не знаю...», «Не кочегары мы, не плотники». А кто этот широко и доверчиво улыбающийся парень — не то Саша Савченко, не то Николай Пасечник?

Николай Рыбников родился в Борисоглебске, затем вместе с матерью и братом переехал в Сталинград. Одиннадцатилетним мальчишкой перебирался через пылающую

Волгу, не умея плавать, цеплялся за лодки, а обезумевшие от ужаса бомбежки беженцы били его по рукам. Спасся чудом. В войну потерял мать, затем отца. Через четыре года, бросив первый курс мединститута, Николай поступил во ВГИК к Сергею Герасимову и Тамаре Макаровой, переиграл Жюльена Сореля, Дона Гуана, Хлестакова... Судьба студента висела на волоске минимум дважды. Первый раз, когда пытался наложить на себя руки от безответной любви к красавице-однокурснице Алле Ларионовой. Спустя год был исключен из комсомола и отчислен из вуза за рискованный розыгрыш: спрятавшись в шкафу и подключив микрофон к радиоточке, он голосом Юрия Левитана объявил троекратное снижение цен на продукты. Ликование товарищей было бурным, но недолгим. К счастью, уголовное дело закрыли, шутника вернули во ВГИК, и тот не подкачал — покорила одноклассников и мастеров дипломной ролью молодого толстовского Петра I.

По словам Надежды Румянцевой, богатой палитрой образа российского самодержца Николай воспользовался год спустя, сыграв в «Тревожной молодости» обаятельного негодяя, лютого врага советской власти Котьку Григоренку. Коллеги дебютировавших в режиссуре Александра Алова и Владимира Наумова разглядели в симпатичном «диверсанте» джеклондонский напор и трогательную застенчивость. Марлен Хуциев, Александр Зархи понимали: этот богатырь потянет трудные роли рабочих парней. Но и предположить не могли, что песни в его исполнении станут лейтмотивом их картин и сделают парня народным кумиром. Николай Рыбников раскрылся вдруг как актер мощной, открытой, предельно искренней эмоции, предстал достойным наследником эталонных удальцов довоенного экрана. Стал

для зрителей другом, товарищем и братом.

Но не успех кружил ему голову, а переполнявшая сердце любовь. На премьере «Высоты» зал Дома кино аплодировал монтажнику, бормотавшему: «Эх, прощай, Коля, твоя холостая жизнь!» — кинематографисты рукоплескали самой красивой паре СССР — Рыбникову и Ларионовой, наконец сказавшей «да». Тут же подоспел третий зрительский хит — рязановская «Девушка без адреса». Неудачная, по мнению режиссера и критиков, картина сыграла роковую роль в творческой судьбе: образ простецкого парня с соседнего двора прилип намертво. Именно с ним, переснимая дубль за дублем, он боролся на съемках чулюкинских «Девчат» и вновь добился успеха. Но куда двигаться дальше?

Актер мечтал играть в паре с красавицей-женой. Увы, это удалось лишь в незначительных картинах и с большим перерывом — в революционной драме Леонида Лукова «Две жизни», «Седьмом небе» Эдуарда Бочарова, «Есть идея!» Владимира Бычкова и в «Семье Ивановых» Алексея Салтыкова. Незабываемый экранный роман так и не сложился. Рыбников не унывал, лишь с коллегами замыкался, уходил в себя. Раскрывался на встречах со зрителями, был хлебосольным хозяином, пел под гитару, подружился с шахматистами и, сыграв тренера в «Хоккеистах» Рафаила Гольдина, стал живым талисманом советской сборной.

С середины 60-х ему все чаще предлагали роли второго плана. Лучшую из них он сыграл в «Войне и мире». Его Денисов, а не «гамлет» Болконский, стал иконой русского воинского аристократизма. Породу в Николае Николаевиче коллеги Сергея Бондарчука в упор не разглядели. Между тем фактура не пропала. Каждый хоть раз в жизни встречал благородного

друга с рыбниковской повадкой. Но никто не догадался, что ленивая харизма балабановского «Брата» — не что иное, как переводная картинка с заразительного, щедрого, натурального Рыбникова.

А зрители томились по его юным героям. Актер Виктор Павлов вспоминал, как съемочная группа грустной комедии Виктора Трегубовича «Уходя — уходи» натерпелась от этой неиссякающей народной любви в конце семидесятых. Во время съемок одного из эпизодов поклонницы то и дело заглядывали в окна подвала, а дама с верхнего этажа пять часов распевала под гитару про «заводскую проходную, что в люди вывела меня» и «сожалений горьких нет, как нет!»

Самой яркой ролью Рыбникова последних лет стал бдительный сосед героини Веры Глаголевой в мелодраме Виталия Мельникова «Выйти замуж за капитана». Ябедник, скандалист, интриган в его исполнении оказался своим, отчаянно одиноким стариканом, и Рыбников был признан читателями журнала «Советский экран» лучшим актером эпизода. Существуют люди, словно рожденные для большой счастливой жизни. К ним тянутся, им верят и, полюбив, от добра добра не ищут. А время неумолимо идет вперед, и образ одинокого, честного, тоскующего по зазнобе парня остается в народной памяти, как в зеркале заднего вида. И уже более полувека все не тает в дали...

Отчего лирический герой Рыбникова ступевался, скрывался с крупных планов, исчез из объектива капризной кинокамеры? Кто оказался легкомысленнее — он, она или разлучившая их большая любовь? Поди разбери...

Николай Николаевич умер в сне от сердечного приступа 22 октября 1990 года и был похоронен в Москве на Троекуровском кладбище. Алла Ларионова пережила мужа на девять с половиной лет.

На семи холмах

Витражи П. Корина на станции «Новослободская»

В музей — по проездному

Ольга Марьяновская

В ряду множества юбилеев, круглых дат, отмечающихся в 2015 году, 80-летие Московского метрополитена заняло одно из самых почетных мест. Этот уникальный культурный и народнохозяйственный феномен безусловно достоин внимания всех соотечественников. Ведь практически каждый из них, хотя бы раз побывавший в Москве, восхищался рукотворной красотой колоссального надземно-подземного ансамбля, пользовался услугами самого скорого, не зависимо от заторов на дорогах транспорта.

НЕИЗМЕННО поддерживать его главные, давно ставшие хрестоматийными свойства (все те же — внешнюю привлекательность, время доставки пассажира из пункта «А» в пункт «Б», надежность) городскому руководству сегодня непросто. Но, как любят приговаривать москвичи, а кому сейчас легко...

Заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин, выступая недавно на одном из форумов, сказал: «Московское метро исторически считается одним из самых красивых в мире, и столичные власти намерены продолжить традицию создания уникальных станций подземки. Мы ставим перед собой задачу делать каждую станцию особенной, не похожей на остальные. Наши предки добивались этого даже в более трудные времена, когда в стране не хватало денег. И мы тоже не должны ударить в грязь лицом».

Что ж, апелляция к славному прошлому, героическим предшественникам — дело нужное.

Историческое возведение началось в 1931 году — с постройки части «красной» ветки от «Сокольников» до «Парка культуры». Советские инженеры и архитекторы, тщательно изучив опыт стран, в которых уже действовало метро, стремились сделать наше, московское, самым удобным и красивым в мире. Иосиф Сталин лично курировал стройку. Было решено большую часть центральных станций заложить глубоко, на 30 с лишним метров под землей, и лишь некоторые соорудить относительно близко к поверхности. Привлекли опытных шахтеров, горняков из Донбасса, и передовую молодежь — комсомольцев с заводов и фабрик Москвы. Процесс шел, конечно же, ударными темпами. На всю страну прославились в те годы бригады проходчиков Николай Краевский, Василий Полежаев, Леонид Яремчук, трудившиеся наравне с ними девушки Дора Кривцова, Софья Кияня, Татьяна Федорова... Условия были очень тяжелыми, на ходу внедрялись новые технологии, передовое оборудование.

15 мая 1935 года открылась первая очередь — десять станций Кировской (ныне Сокольнической) и три станции Арбатской линии. Этот день стал всеобщим праздником. Метрополитен восхищал великолепием и комфортом. Неудивительно, ведь для его создания приглашались лучшие мастера страны. Московское метро стало не только незаменимым видом столичного транспорта, но и настоящим произведением искусства, отразившим особенности времени, в которое рождалось.

Станции, рожденные в 30-х, эталонно монументальны, торжественны. Особенно красивы центральные — «Красные Ворота» и «Театральная» (при открытии «Площадь Свердлова»). Они построены по проекту известного архитектора Ивана Фомина, автора концепции «пролетарской классики». Ее суть была в том, чтобы брать в архитектуре прошлого лишь концептуальную основу, упрощая при этом декоративные элементы. По такому принципу он построил дом «Динамо» на Малой Лубянке, здание Наркомата путей сообщения у Красных Ворот.

Фомин преобразил мрачноватое, тесное подzemелье в масштабные перспективные залы. В отделке «Красных Ворот» обыгран соответствующий названию мотив — пилоны облицованы красным гранитом. «Театральная» напоминает фойе театра, отделана белым мрамором, над скамейками висят уютные светильники бра. Невооруженным глазом видна идейная связь с Театральной площадью, Большим и Малым театрами. Впечатление усиливают изящные, выполненные известным скульптором Натальей Данько фарфоровые рельефы на тему «Танцы народов СССР» (в нижнем ряду кессонов центрального свода).

Заметный вклад в это великое дело внес архитектор Алексей Душкин. По его проектам построены красивейшие станции: «Кропоткинская», «Маяковская», «Площадь Революции», «Автозаводская», «Новослободская». «Кропоткинская» (до 8 октября 1957-го — «Дворец Советов»), открытая в 1935 году, получила несколько международных наград. Строй-

Мозаичное панно
А. Дейнеки «Сигнальщик»
на станции «Маяковская»

НА СЕМИ ХОЛМАХ

ные десятигранные колонны, плавно переходящие в свод и образующие абрис пятиконечных звезд, скрытая подсветка, светлый мрамор, лаконичность, отсутствие излишеств создают ощущение легкости. Иное впечатление производит «Площадь Революции», открытая в 1938-м, тут главная роль отведена скульптурам советского классика Матвея Манизера. В углах пилонов по обе стороны от проходов расположены монументальные образы эпохи. Особенно полюбили пассажирам «Пограничник с собакой», «Матрос с наганом», «Колхозница с петухом». Детали этих статуй затерты до блеска — «на счастье», «на удачу». Есть там и скульптура стахановца с отбойным молотком.

Еще одна станция Душкина, «Маяковская», уникальна своим художественным убранством и новаторской для того времени архитектурой. Вместо массивных пилонов в качестве опор выступают легкие стальные колонны, благодаря чему в зале просторно, много воздуха. Своды примечательны овальными куполами с яркой мозаикой, выполненной по эскизу знаменитого художника Александра Дейнеки («Сутки советского неба»).

В конце 1930-х — начале 1940-х для украшения метро стали все больше привлекать известных живописцев и скульпторов, дабы сделать декор богаче и разнообразнее. Даже в тяжелые военные годы запустили в эксплуатацию семь новых красивых станций. Темы их оформления — ударный труд народа в тылу и героическая борьба с врагом на фронте.

15 мая 1944 года была открыта «Электrozаводская» (архитекторы Владимир Щуко, Игорь Рожин, Владимир Гельфрейх). Оправдывая свое название, станция предстает очень светлой, благодаря большому количеству светильников, помещенных в круглых кессонах потолка. Стены облицованы белым мрамором, дополнены замечательными барельефами Георгия Мотовилова на тему трудовых будней в военные годы.

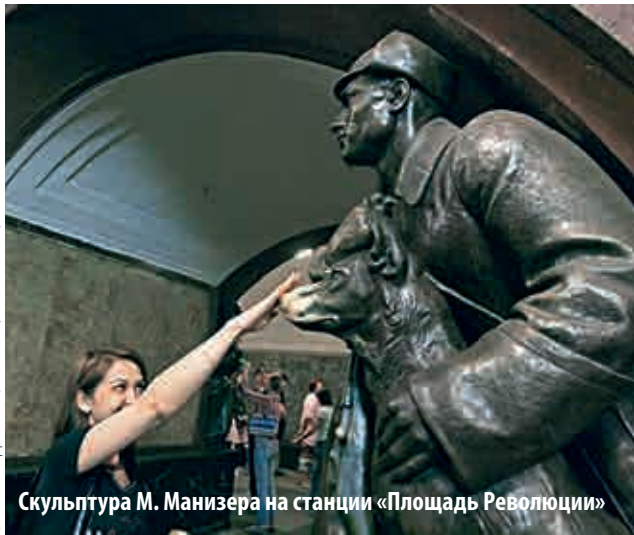
«Партизанская» (ранее «Измайловская») удивляет своими размерами: до войны в Измайловском парке планировали возводить огромный стадион, потому и строили ее с расчетом на большой поток зрителей. Однако военная действительность внесла свои коррективы: станцию посвятили доблестному партизанскому движению и установили там скульптурную группу героев-партизан, исполненные Манизером.

Метро тогда спасало жизни москвичей, став надежным бомбоубежищем. На станции «Кировская» (с 1990 года — «Чистые пруды») размещались отделы Генерального штаба, рабочие кабинеты Верховного Главнокомандующего и начальника Генштаба. А на «Маяковской» 6 ноября 1941 года проходило заседание Московского совета депутатов трудящихся с участием Сталина.

Станции, появившиеся вскоре после войны, посвящались Великой Победе. Это вся Кольцевая линия, а

Барельеф Г. Мотовилова на станции «Электrozаводская»

Скульптура М. Манизера на станции «Площадь Революции»

ФОТО: ВЛАДИМИР ФИЛОНОВ/ФОТОМЕДИА/ТАСС

также относящиеся к Арбатскому радиусу «Смоленская», «Киевская» и «Арбатская». Они праздничные и величественные, богато украшены произведениями искусства.

«Комсомольская»-кольцевая, созданная по проекту классика русского и советского зодчества Алексея Щусева, открылась 30 января 1952 года. Архитектура напоминает традиционную храмовую. Эта станция глубокого заложения выглядит необычайно просторной, устремленной ввысь — прежде всего благодаря изяществу арок и колонн. Восемь мозаичных панно на своде выполнены в древнерусском стиле по эскизам выдающегося живописца Павла Корина и посвящены воинской славе России от времен Александра Невского до Великой Отечественной. «Киевская»-кольцевая (1954) и «Киевская»-радиальная (1953) тоже радуют глаз нарядностью. Первая украшена мозаиками, рассказывающими о событиях общей истории России и Украины. Вторая — фресками с сюжетами о трудовых достижениях украинцев. «Белорусская»-кольцевая (1952), оформленная не менее искусно, отдает дань любви и уважения белорусскому народу.

Панно З. Церетели на станции «Парк Победы»

Скульптура «Ромул и Рем» на станции «Римская»

ФОТО: PHOTOPRESS

Смерть Сталина, приход к власти Никиты Хрущева, борьба с «излишествами» в советской архитектуре повлияли и на развитие метрополитена. Год от года станции становились все скромнее, в 1960-х на первый план вышли экономичность и функциональность. Обилие мрамора, бронзы и позолоты сменила скромная керамическая плитка разных цветов. Использовались преимущественно типовые проекты.

С середины 1970-х многим станциям опять стала свойственна индивидуальность. Произведения скульптуры и декоративного искусства, выполненные в сравнительно лаконичном, созвучном своей эпохе стиле, вновь вернулись в метро. Открытая в 1975 году станция «Пушкинская» архитектурой и оформлением напоминает

нам о великом поэте. На «Третьяковской» (открытие двух вестибюлей — 1971, 1986) установлены бронзовые барельефы (скульптор Александр Бурганов) с портретами знаменитых русских художников, представленных в Третьяковке, здесь же — портрет основателя галереи Павла Третьякова.

Станцию «Чеховская» (1987) украсили мозаичные панно из цветного камня Петра и Людмилы Шорчевых. Эти работы, само собой, отсылают к прозе Антона Павловича. «Римская» (1995) декорирована Леонидом Берлиным в итальянском стиле, произведениями из майолики.

В 2003 году были открыты два зала станции «Парк Победы» (глубина заложения — 80 метров). Архитектура — современная, элегантная. В оформлении при-

сутствуют красочные эмалевые панно, выполненные по эскизам Зураба Церетели, посвященные победам в Отечественной войне 1812 года и в Великой Отечественной.

Московский метрополитен, этот ни с чем не сравнимый музей на земле и под землей, многократно воспевался и в литературе, и в живописи, и в кинематографе. Как, впрочем, и люди, его создавшие.

Знаменитый фильм «Добровольцы» с Михаилом Ульяновым, Элиной Быстрицкой, Петром Щербачевым, Леонидом Быковым и другими нашими великими актерами показал мужественных первопроходцев столичной подземки. Веселый, обаятельный метростроитель Коля из фильма Георгия Данелии «Я шагаю по Москве» стал одним из главных персонажей — символов 1960-х.

Снимались там сцены из кинокартин «Цирк», «Москва слезам не верит», «Влюблен по собственному желанию», «Курьер», «Сверстницы», «Настя», «Летят журавли», «По главной улице с оркестром», «Ночной дозор» и многих-многих других.

А как с развитием московского метро обстоят дела в наше время? В целом как будто неплохо. Каждый год открываются новые станции, оснащенные современным оборудованием (в том числе с учетом возможностей маломобильных людей). Быстро продвигается строительство второго кольца протяженностью 60 километров. Пересекая радиальные линии ближе к окраинам мегаполиса, оно позволит гражданам экономить время и отчасти разгрузит чрезвычайно многолюдный центр. Эстетическая составляющая — тоже на весьма приличном уровне: новаторские дизайнерские решения и художественные средства довольно точно отражают (и, надо полагать, еще отразят) особенности нашего непростого, беспокойного времени.

Русское поле

Аттракцион с козами

Татьяна Горянина, Владимирская область

В прошлом воздушная гимнастка, она начинала работать под куполом еще в середине 1970-х. Выступала под руководством прославленных Тофика Ахундова и Валентина Дидуля. По окончании артистической карьеры Елена Строева кардинально изменила свою жизнь: отправилась с мужем в российскую глубинку заниматься фермерством. В маленькой деревушке Сереброво, что во Владимирской области, мы говорили с ней, посвятившей два десятка лет арене на Цветном бульваре, и ее мужем о прошлом, настоящем и будущем.

СВОЮ ферму они назвали «Серебрянкой». Здесь чета выращивает коз бурской породы. Те по природе своей — типичные западноевропейцы, однако экс-циркачка твердо убеждена, что на российской земле ее козочкам — при должном уходе — не менее выгодно и комфортно.

— Мы сюда поначалу просто на дачу приехали, — вспоминает Елена. — А получилось — навсегда.

В прошлом году супруги получили грант местных властей на поддержку бизнеса по программе «Семейная молочная ферма». Пока что их хозяйство — это четыре десятка коз. поголовье фермеры намерены увеличить как минимум вдвое. В перспективных планах — производство не только молока, но и сыра. Парнокопытные пока обитают в простеньком деревянном овине, но скоро их ждет новоселье. Напротив дома фермеров возводится солидный животноводческий комплекс.

— Кем себя ощущаете — москвичами или провинциалами? — интересуюсь у гостеприимных хозяев.

— Россиянами, — широко улыбаясь, отвечает Елена. — Конечно, на первых порах «столичный синдром», скажем так, беспокоил — психологически. Владимирцами себя почувствовали как раз тогда, когда всерьез решили заняться козами. Подчеркиваю: не просто фермерством, а именно козами. Поиск этой ниши шел годы. И лошади у нас были, и пчелы, и куры... А вот козочки каким-то образом сумели убедить, что Сереброво — это наша вновь обретенная малая родина.

К разговору подключается муж Сергей:

— Это была моя идея — в Сереброво дом купить. Когда впервые увидел эти леса, поля и реки, был просто поражен красотой здешних мест. Хотелось буквально вцепиться в эту землю. Особенно восхитил вот этот уголок. Тогда тут была спорная территория: собственность — наполовину частная, наполовину колхозная. Выкупить оказалось непросто, но это только раззадорило. Первое время здесь чаще Лена бывала (она благодаря здешнему воздуху, по сути, от астмы исцелилась). Я продолжал вести кое-какой бизнес в Москве. Но с каждым приездом мысль о том, что хочу навсегда здесь поселиться, становилась все настойчивее. И наступил день, когда Сереброво окончательно победило Москву...

Распрощаться пришлось, разумеется, и с прежней жизнью. Она до определенного этапа представляла собой сплошную серию кульбитов. Сергей Викторович — кадровый военный. В отставку ушел в 1991-м, после ГКЧП. Молодой, энергичный, однако остался не у дел. Как и многие в то время, пошел в предпринимательство.

У Елены Ивановны своя история. Достаточно взглянуть на эту миниатюрную, внешне хрупкую, невесомую женщину, чтобы понять: ее стихия — воздух. Летать под ку-

— О доходах пока говорить преждевременно. К сожалению, убедить состоятельных россиян или иностранцев, что вкладывать деньги в такие хозяйства, как наше, — это надежно и выгодно, пока очень трудно

РУССКОЕ ПОЛЕ

полом подходит ей как нельзя лучше. А ведь в раннем детстве она испытывала к арене далеко не самое теплое чувство.

— Когда меня, семилетнюю девочку, в первый раз привели в цирк, я случайно увидела, как к номеру готовят дрессированных медведей. Представление еще не началось. Над животными, как мне тогда виделось, буквально издевались! Закатила истерику, потребовала увести меня прочь. Кричала: «Никогда больше сюда не приду!» Вот что значит «не зарекайтесь». Именно туда, куда поначалу ни за какие коврижки возвращаться не хотела, пришла работать.

Елена — коренная москвичка. В юности как спортсменка подавала большие надежды.

— В цирк пошла устраиваться после девятого класса, а учась в десятом, трудилась на Цветном бульваре. Среднее образование получала в спортивном интернате №9, на «Щелковской». Эта школа олимпийского резерва и поныне считается кузницей спортивных кадров страны. У меня были довольно неплохие результаты, в состав одной из сборных вошла. И тут предложили — цирк. Тогда на Цветном выступала труппа воздушных акробатов под руководством Тофика Ахундова (сейчас — заслуженный артист Азербайджана). Он-то и заметил меня, пригласил, увлек. Я рассудила так: в спорте еще неизвестно, как получится, после школы надо в спортивный вуз поступать, а там — в зависимости от результатов и воли тренеров. А в цирковые артистки меня сразу берут, можно прямо со школьной скамьи карьеру начинать.

После открытия цирка на Вернадского Елена работала и там. Познакомилась на новом месте с Валентином Диккулем.

— Мы с Валентином Ивановичем впервые встретились уже после его травмы. Он выступал с гириями. И к тому моменту разработал свою знаменитую методику лечения болезней опорно-двигательного аппарата. А меня «использовал» на тренировках. Мы с его супругой, обе гимнастки, были одинаково субтильными дамочками — по 40 кг веса. «Очень удобные снаряды», — говорил Валентин и брал жену в одну руку, меня — в другую. Даже номер хотел такой подготовить. Но у меня случилась травма...

Цирк входил в большую государственную структуру. Работа артистов предполагала не только выступления в Москве, «на стационаре», но и гастрольную деятельность. Последняя как раз и являлась основной. Труппу, в составе которой были и Диккуль, и Елена, отправили выступать в Ворошиловград (ныне Луганск).

— Номер был такой: акробаты и лошади. Мы начинали выступление, стоя в седлах, а потом поднимались. Шел 1982-й, год 60-летия образования СССР и 65-летия Октября. Повсюду готовили представления, и тут, как снег на голову, новость, которую хоть и ожидали, но в какой-то мере боялись: умер Брежнев. Повсюду

объявили траур, все развлекательные мероприятия отменили. Нам же пришло указание — продолжать тренировки и репетиции, мол, представление просто перенесут. И вот, на репетиции-то я и упала... Меня без сознания унесли с арены. Когда очнулась, поняла, что не чувствую ног. Шокировало даже не столько то, что я, молодая, стала инвалидом, сколько осознание: с цирком покончено... Валентин Иванович мою панику пресек, сказал, что все исправит. Я покорно отдалась в его руки. Манипуляции, помню, были очень болезненными. Сильно кричала. Однако спустя считанные часы после лечения не просто стояла на ногах — работала!.. Увы, это была не последняя из проблем. Травмы преследовали Елену много лет. В 1989-м случилась роковая — после падения с «живой колонны», с высоты более пяти метров.

— Очнулась в больнице, в гипсе. И первый вопрос к врачам: прыгать буду? Они плечами только пожимают, говорят: мол, девушка, вам бы ходить начать... Снова пришел на выручку Валя. Под его руководством реабилитация прошла очень успешно. Но от работы на арене мне рекомендовали временно воздержаться. Перевели в «цирковые чиновники». И это, видимо, было знаком провидения. Однажды по дороге из «конторы» я встретила своего будущего мужа. Сергей тогда еще служил, и от них требовали постоянно тренироваться —

в спорткомплексе ЦСКА. Он — с тренировки, я — с работы, ехали в одном вагоне метро...

Эта встреча стала для Елены во многих смыслах судьбоносной. Ситуация в стране, а следовательно, и в цирке стремительно менялась. Все определеннее было ощущение: на арену она больше не вернется.

— Это, наверное, самое тяжелое воспоминание — 1990-е. Те самые «интересные годы», как Сережа говорит... Для циркачей — время тяжелых испытаний. Цирк с многолетней историей, традициями начал рассыпаться, превращаться в какой-то балаган. Люди были на взводе, какое там цирковое братство... Настал день, когда я поняла: надо уходить. Хотя бы для того, чтобы сохранить доброе воспоминание о своей чудесной профессии. И ушла — замуж...

У них образовался не только крепкий брачный союз, но и весьма эффективная семейная фирма (теперь — ферма). Он уволился из армии и начал искать себя на предпринимательском поприще. Как показало время, самым удачным бизнес-проектом стало хозяйство в деревне Сереброво.

За годы, проведенные на владимирской земле, Строевы поняли: будут заниматься выращиванием коз, даже если придется очень долго ждать устойчивой прибыли. Это уже не бизнес, а образ жизни.

— О доходах пока говорить преждевременно. Мы рады, что на уровне областного руководства

наши усилия замечены. И даже некоторая поддержка есть — тот же грант размером в четыре с половиной миллиона рублей. Первая задача — выход на инвестора. К сожалению, убедить состоятельных россиян или иностранцев, что вкладывать деньги в такие хозяйства, как наше, — это надежно и выгодно, пока очень трудно. Но надежды не теряем.

По долгу службы и по велению души обнадеживает чету Строевых и местный священник, который стал самым близким другом семьи.

— Отец Николай — наш ровесник, — рассказывает Елена. — Наведывается к нам с маленькой дочкой. У девочки небольшие проблемы со здоровьем, а батюшка

убежден, что здесь, среди лошадей и коз, исцеление идет уже только от одного общения с природой. Мы часто гуляем по полю, беседуем, как он говорит, «о мирском». Дружба с отцом Николаем укрепила меня и Сережу в мысли: Сереброво — наша судьба.

В долгосрочных, но неизбежных планах у них сыроварение. Пока фермеры делают сыр по старинным рецептам, но это «индпошив», очень мелкое производство. Чтобы вести речь об укрупнении, нужно приличное оборудование.

— Уже присмотрели отечественную установку: промышленная мультиварка, в которой можно устанавливать разные режимы, делать любой сыр — хоть моцареллу, хоть фету, хоть «косички», — прикидывает Елена Ивановна. — В Барнауле налажен их выпуск. Работы много впереди, и это радует.

На прощание Сергей подводит итог:

— Здесь, в Сереброво острее, чем где-либо, понимаешь, насколько это важно — не бросать землю, любить ее, работать на ней. Уходят недуги, а мысли проясняются. И понимаешь, что у тебя есть главное — близкий и любимый человек рядом и хорошее дело, которое делаешь вместе с ним.

Трапезная

ФОТО: PHOTOPRESS

Снежная, нежная

Максим Сырников

«Все радостно смотрят на навагу. Я царапаю ноготком по спинке — такой холодок приятный, сладко немеют пальцы. Вспоминаю, какая она на вкус, дольками отделяется... слаще и рыбки нет.

Теперь уж не сдаст зима. Уж коли к Филиповкам навага — пришла настоящая зима. Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от Соловецких Угодников, рыбка самая нежная, — Горкин говорит — «снежная»: оттепелю чуть тронет — не та наважка: и потемнеет, и вкуса такого нет, как с пылкого мороза. С Беломорья пошла навага — значит, и зима двинулась: там ведь она живет», — так писал Иван Шмелев в своем замечательном романе «Лето Господне».

Филиппово заговенье, а также некоторые дни Рождественского поста — самое верное время для жарки наваги. Главное, чтобы она была свежайшей, а если и замороженной, то грамотно, без промежуточных подтаиваний.

Ведь ее «теплую» даже рыбаки домой нечасто приносят. Сами посудите: ловят навагу как раз в эту пору, из-под льда. А на Белом море в декабре оттепели хоть и случаются, да все же очень редко. Пока сети вытаскают, выберут рыбку, по ящикам разложат — вот она уже и замерзла.

Лучшая навага — беломорская. Есть еще дальневосточная. В каком-нибудь московском супермаркете в отделе рыбной заморозки лежит именно последняя,

она и крупнее. Но беломорская, уж поверьте, повкуснее будет.

Целые поморские деревни до сих пор живут на важным промыслом — от путины к путине. Как и сто, и двести лет назад.

В «Исследованиях о состоянии рыболовства в России» за 1880 год писали, что поморский рыбак за зиму на одной наваге зарабатывает около ста рублей ассигнациями, что по тем временам было совсем немало.

В том же документе упоминается и такой интересный факт: зимняя беломорская навага продавалась у нас всюду, даже в Астрахани ее покупали. Стало быть, высоко ценилась эта рыба по всей России.

Жарить навагу лучше всего в сухарной панировке, ни в коем случае не пересушивая.

Аккуратно разморозив, удаляем голову и, не разрезая брюхо, вытаскиваем потроха. Промываем в холодной воде, подсаливаем снаружи и внутри.

Минут через пятнадцать необходимо обмакнуть каждую рыбку в разболтанное сырое яйцо, добавив в него немного холодной воды, и обвалить в сухарях. А уж потом обжарить в достаточном количестве масла.

Довести до готовности лучше всего в духовке, подержав там минут пять, не больше.

Подавать непременно с лимоном и петрушкой.

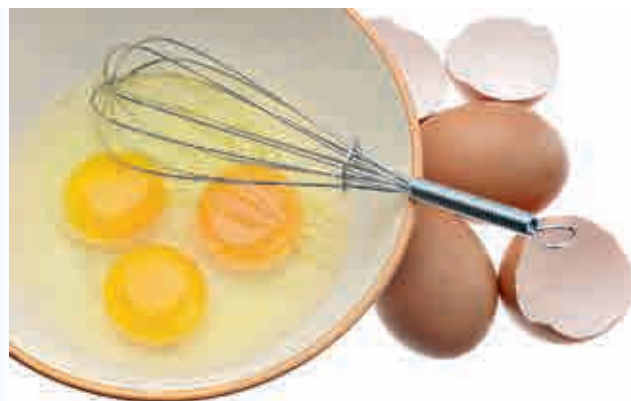

ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: PHOTOPRESS

Свое

ДЕКАБРЬ 2015

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки